

Мухаммад Риза Агехи
ЦВЕТНИК СЧАСТЬЯ

ГУЛЬШЕН-И-ДЕВЛЕТ

**ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ ХАНА СЕЙИД МУХАММЕДА
(1856—1865 гг.)**

Рукопись ИВ АН, В 1891

(пер. П. П. Иванова)

Текст воспроизведен по изданию: Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. М. Институт Востоковедения. 1938

Когда, вслед за убийством блаженной памяти хана Кутлуг Мурада, хивинские жители начали производить всеобщее избиение (йомутов)¹, часть мятежников все же сумела кое-как спастись от народного мщения и с большим трудом бежала.

Еле живые от страха они (йомуты), сойдясь с разных сторон, собрались затем около туркменского аула (оба), расположенного в окрестностях мазара святого Исми Махмуд-ата.

Читающим эти строки да будет известно, что во времена йомутского возмущения при Абдулла-хане (1855 г.), когда восставшие йомуты уходили из района Хивы в сторону Старого Ургенча, предводитель рода орус-кошчи, славный Ходжа Нияз-векиль, обладавший дальновидным умом и не принимавший поэтому участия в беспорядках, отделился от бунтовщиков и поселился с тысячей семейств в окрестностях упомянутого мазара в качестве подданного хивинского хана.

Собравшиеся в этом месте враждебные йомуты, объединившись под властью Баба-бахши, решили проведать о положении дел в Хиве и послали с тайными намерениями в Хиву трех-четыре человек во главе с Байрам Али-сердаром.

Явившись в качестве послов к хану, йомуты обратились к нему со лживыми словами о том, что они раскаиваются теперь в своих прежних дурных делах и готовы, дескать, верно служить его величеству, во всем подчиняясь его воле. При этом они просили хана, чтобы он смилостивился над ними и простил их прежние проступки и прегрешения.

Хотя его величеству и была ясна лживость и неискренность слов этого несчастного

¹ Краткое описание этих событий повторяется на лл. 17б — 23а данной рукописи, где автор сообщает, что двоюродный брат (аммэ-задэ) Сейид Мухаммеда, Мухаммед Нияз-бий, сын Мухаммед Назар-инака, “в силу полного своего невежества”, вошел в тайное соглашение с йомутами и, явившись с ними в город Хиву, убил здесь ханствовавшего тогда Кутлуг Мурада, о чем подробно рассказано выше по ркп. ИВ Е 6, лл. 506—526. Спасаясь от набросившейся на них толпы, заговорщики в количестве около 40 человек засели в приемных комнатах дворца (коруньш-ханэ). Пока продолжалась осада, Вейс Нияз-бай и Мухаммед Мурад-мехрем направились, по поручению сановников, к Сейид Мухаммеду и предложили ему занять ханский престол. С прибытием Сейид Мухаммеда в цитадель (арк), заговорщики были вскоре перебиты, после чего состоялось избрание Сейид Мухаммеда на ханство, в знак чего он по древнему обычаю был поднят на белом войлоке. Церемония поднятия на ханство состоялась в понедельник 5 джумади II 1272 г. х. (12 февраля 1856 г.), когда Сейид Мухаммеду было неполных 34 года.

Известия русских и европейских источников об этих событиях изложены в книге проф. Н. И. Веселовского, “Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве”. СПб., 1877, стр. 340—342. Данные Агехи, между прочим, расходятся с показаниями русских и европейских источников о “междоцарствии”, которое яко бы в это время наблюдалось (ср. Н. И. Веселовский, цит. соч. стр. 341).

племени, однако, в силу обстоятельств времени, он простил их проступки и выдал им свою милостивую грамоту, с обещанием не подвергать их наказанию.

В качестве своего посланника он отправил вместе с послами йомутов Рахметулла-ясаулбаши, который был лишен своего звания и отстранен от ханской службы Абдулла-ханом, а теперь снова был приближен и осыпан царскими милостями.

Когда прибыл Рахметулла-ясаулбаши, несчастные мятежники (йомуты) оскорбили его недостойными словами и отправили обратно, а сами направились в свое укрепление (сенгер) около Хан-абада.

Прибыв в указанный выше день, т. е. в субботу 10 джумади II (воскресенье, 17 февраля 1856 г.) ко двору, ясаулбаши доложил хану о всем, что он слышал и видел у бунтовщиков.

Об уходе джемшидского народа (халк) из Хорезма в Хорасан

Испытав на себе многочисленные заботы и благодеяния хорезмских государей, они (джемшиды) вместо верной службы за проявленные к ним милости стали на путь вражды и, избрав удобный момент, ушли со всем своим имуществом и людьми в Хорасан, который является их первоначальной родиной.

Подробности этого события таковы.

В течение долгого времени джемшиды проживали в Хорасане, где они влачили грязное полуголодное существование. С большим трудом добывая себе кусок хлеба, они едва могли спасти себя от смерти.

Во время счастливого царствования Алла-кули-хана, отца Рахим-кули-хана, в год коровы, соответствующий 1255 г. х. (1839/40 г.), когда победоносные (хивинские) войска направились в Хорасан, они, по ханскому приказу, переселили указанное племя (джемшидов) в Хорезм. После этого они (джемшиды) были, по их собственному желанию, поселены около крепости (кала) Клыч Нияз-бая², где были им предоставлены орошенные пахотные земли. Здесь (хан) так много о них заботился, что вскоре же они по своей материальной обеспеченности стали превосходить всех прочих воинов (лешкерийе). Главный начальник их сердар мир Мухаммед-хан в течение пятнадцати лет служил на пользу могущества названных государей (Алла-кули и Рахим-кули). Но он был убит во время ужасных событий при Абдулла-хане³. После этого события его младший брат Мехди-кули-бек направился со своими войсками к своему племени в Клыч Нияз-бай. Здесь он убедился, что по количеству принадлежащего ему скота и богатства он стоит выше других племен, а по числу коней и вооружения он превосходит все прочие войска (ханства). Вследствие этого его обуяли мятежные замыслы. Он построил в окрестностях (Клыч Нияз-бая) крепость, после чего поднял знамя восстания.

Во время царствования Кутлуг Мурада он совершил набег на окрестности столицы государства (Хивы), забрав много имущества у окружающего населения. Не удовлетворившись даже этим, он в своей враждебности дошел до того, что, выступив со всеми своими войсками, забрал крепости (города) Клыч Нияз-бай и Хытай и предал жестокой смерти много ни в чем

² Клыч Нияз-бай — небольшой городок к югу от Мангыта. Расположен на канале того же наименования. Канал Клыч Нияз-бай был прорыт в 1815 г. и получил свое название по имени одного из вельмож Мухаммед Рахим хана. В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 97.

³ Сердар мир Мухаммед упоминается Данилевским под именем султана Мир-Ахмеда. Во время пребывания русской миссии в Хиве в 1842 г. джемшиды, в количестве около 7 тыс. семейств (“кибиток”), жили в районе Куны Ургенча и далее на восток к Мангыту и Кипчаку. Описывая быт джемшидов, Данилевский отмечает их крайнюю бедность, даже нищету, вынуждавшую их “наниматься в работники”. (Данилевский. Описание Хивинского ханства Зап. Русск. геогр. общ., кн. V, СПб., 1851, стр. 97 и сл.) Таким образом слова автора “Тульшен-и-девлет” о процветании джемшидов под покровительством хивинских ханов страдают, по-видимому, сильным преувеличением.

неповинных людей. Разграбив имущество убитых, он оставшуюся (в живых) часть населения переселил к себе в крепость. Затем он несколько раз выступал против (городов) Мангыта и Гурлена, создав таким образом чрезвычайно большую смуту и беспорядок во всех концах государства (стихи)⁴.

Когда происходили тревожные и кровавые события, связанные с царствованием и гибелью хана Кутлуг Мурада и восстаниями йомутов, Мехди-кули-бек джемшидский, боясь возмездия со стороны вступившего на престол его величества (Сейид Мухаммеда) и пользуясь тем, что наступившие смуты продолжались и в первые дни его правления, избрал подходящий момент (для своего ухода). Приготовив все необходимое для пути, он в понедельник 12-го числа месяца джумади II (вторник 19 февраля 1856 г.), что совпало с восьмым днем царствования (Сейид Мухаммеда), со всем своим народом, женщинами, детьми, скотом и имуществом выступил из своей крепости и устремился в сторону Хорасана, направляясь вверх по берегу р. Джейхуна (Аму-дарья).

Его величество, зная, что этот народ не соблюдает верности и не знает дружбы, не препятствовал их уходу (стихи).

Однако, во избежание вреда, который могло бы нанести богоспасаемому государству при своем движении это злобное племя, (хан) из предосторожности назначил, в целях охраны, отряд войск в Ургенцкую крепость, под командой Баги-бека-беглербеги⁵, Вейс Нияз-бая и некоторых других начальников. Для охраны крепости в Ханака был назначен Мухаммед Риза-бек, сын Шах Нияз-аталыка с нукерами. Для охраны от посягательств джемшидов жизни и имущества населения, живущего по берегам реки, а также прочих степных жителей (сахранишин)⁶ в крепость Хазараспа был направлен Хаким Нияз-аталык, из кыпчаков, а также Хасэ-кушбеги и другие сановники из конгратов, во главе с царевичем султан Махмуд-бием (старший брат хана) и некоторым количеством войск.

До тех пор, пока это племя джемшидов не покинет Хорезма, войска должны были находиться в строю, показываясь время от времени с разных сторон. Когда это племя мятежных изменников поспешно проходило против Ургенча, бросая в страхе на каждой остановке свои вещи, хлеб (букв. зерно) и прочее имущество, Баги-бек-беглербеги, руководствуясь ханским приказом, вышел с подчиненными ему войсками из крепости (Ургенча) и стал сопровождать их. Когда (джемшиды) достигли крепости Ханках, и, пройдя мимо, направились с чрезвычайной поспешностью вверх (по реке), Мухаммед Риза-бек, вместе с находящимися при нем войсками, вышел из крепости и, присоединившись к названному выше беглербеги, стал двигаться также около джемшидских войск. Когда (все они) достигли местности Турангусы, Сейид Али-джан своевольно набросился на лагерь (коч) мятежников, чтобы поживиться добычей и пленными.

Увидев это, мятежники всеми своими силами устремились на победоносное (хивинское) войско. Началась свалка, которая вскоре же превратилась в сражение. После того, как с каждой стороны оказалось по несколько человек убитыми, обе стороны удалились с места битвы и стали снова двигаться в прежнем порядке. Когда (джемшиды) поравнялись с крепостью Хазарасп, из крепости выступил царевич султан Махмуд-бий с находившимися в его

⁴ О беспорядках, чинившихся в Хиве джемшидами в это время, упоминает также А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865, стр. 178. Н. И. Веселовский (цит. соч., стр. 357) данное сообщение Вамбери считает сомнительным, на том основании, что оно не подтверждается другими данными (?).

⁵ Беглербеги (букв. бек над беками, старший из беков) — звание, сохранившееся в Хиве до последнего периода существования ханства. В начале XX в. звание беглербеги принадлежало в Хиве ханскому чиновнику, управлявшему одним из крупнейших родовых подразделений той или иной народности (напр. каракалпаков). В ведении беглербеги находились аталыки, управлявшие более мелкими подразделениями. См. Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ташкент, 1903, ч. II, стр. 26.

⁶ Сахранишин — термин, обычно употребляемый в смысле “кочевник”. Из другого места данного сочинения видно однако, что термин “сахранишин” относится автором к оседлому населению кишлаков.

распоряжении силами и, в целях охраны страны и населения, проводил джемшидское племя до границ Питняка и Теве-боюна.

После того, как райские поля Хорезма были освобождены от мусора, каким являлось джемшидское племя, все начальники и предводители войск собрались в Хазараспе, а затем все вместе выступили в обратный путь и в пятницу 23 числа названного выше месяца (суббота 1 марта 1856 г.), прибыли к хану, удостоившись его высокой милости⁷.

Об отправлении посольства Карлы-юзбаши совместно с Хубби-ишаном к чоудорам

Суть настоящего события такова: после ужасных событий, связанных с убийством хана Абдуллы, глава и предводитель поколения (тирэ) абдаль племени (халк) чоудоров, злосчастный ходжа Мухаммед-юзбаши, став во главе некоторых злодеев и разбойников этого племени (таифе), совершил несколько раз нападения на окрестное кочевое население (элят). Разграбив и опустошив владения и имущество сельских жителей, он тем самым создал большое беспокойство. Откочевав, наконец, с сочувствующими ему мятежниками и направившись в окрестности Старого Ургенча, он поселился там. Другая часть племени, не сочувствовавшая мятежным замыслам (ходжи Мухаммеда) и отличавшаяся благоразумием и любовью к (Хорезмской) державе, сгруппировалась в местности Кок-чеке, где и начала жить. Некоторые старшины этого племени прибыли в это время в сопровождении и под руководством благочестивого и набожного ишана Казак-бая к ханскому двору для того, чтобы засвидетельствовать здесь свою покорность и подчинение.

Оказав всевозможные милости и благодеяния представителям этого племени, хан во вторник 20 числа месяца джумади II (27 февраля 1856 г.) отправил к остальным старшинам этого племени, в качестве послов, Хубби-ишана и Карлы-юзбаши, с милостивыми и ласковыми письмами.

В понедельник 26 числа того же месяца (4 марта) хан отправил мужественного Мухаммед-мехрема с отрядом храбрых войск для удержания и охраны крепости Хиляли (Ильялы)...

В пятницу 8-го числа этого месяца (раджаба — суббота, 15 марта) прибыл к хану Худай-берген Орус от племени йомутов и получил прощение и извинение за все совершенные им проступки.

Подробности этого дела таковы: Худай-берген-юзбаши, известный под прозвищем Орус, состоял на ханской службе, от которой, однако, он после убийства хана Кутлуг Мурада бежал и прибыл в Клыч Нияз-бай к мятежникам джемшидам. Находясь известное время среди мятежного племени, он активно участвовал во всех противозаконных делах, совершавшихся Мехди-кули-беком, так как состоял у него на службе. После того, как джемшиды ушли на свою первоначальную родину, (юзбаши) направился к мятежникам-йомутам, но, не находя здесь душевного покоя и испытывая раскаяние в совершенных им поступках, бежал от йомутов и прибыл в город Хиву, чтобы получить от хана прощение.

В эти же дни были пойманы и повешены пять-шесть слуг Сейид Назар-бека, а младший брат его, Абд-ур-Рахман-бек, был посажен в зиндан (тюрьму).

Суть этого дела заключается в том, что сын великого эмира Мухаммед Назар-инака во время тревожных событий царствования Кутлуг Мурад-хана, вместе со своим младшим братом Мухаммед Нияз-бием, действовал заодно с мятежниками-йомутами; однако, когда дела последних повернулись в худшую сторону, Мухаммед Нияз-бий испытал на себе гнев божий,

⁷ В европейской литературе уход джемшидов из Хивы отмечается у А. Вамбери в его "Очерках Средней Азии", М., 1868, стр. 313—314. В своем "Путешествии по Ср. Азии" (стр. 178) тот же автор отмечает, что вместе с джемшидами из Хивы вышло также 2000 иранских невольников.

будучи пойман и доставлен к хану.

Услышав об этом, он (Сейид Назар-бек), точно накурившись опия, потерял всякий рассудок и, присоединившись к некоторым туркменам, в момент общего замешательства бежал из города вместе со своим сыном Абд-ур-Рахман-беком.

Добравшись тайком до аула (оба) предводителя мятежного туркменского племени имрели, недостойного Эвез Мухаммед-векиля, он оставался некоторое время гостем в его доме. Здесь он усиленно пытался возбудить враждебные действия (против Хивы), но потерпел полную неудачу. Через некоторое время, убедившись в полной своей беспомощности, он ушел от племени имрели и стал переживать различные злоключения в пустыне, пока не добрался до мятежников-джемшидов (стихи). Здесь, у джемшидов, он, совместно с неверным Мехди-кули-беком занимался некоторое время недостойными делами. Когда же джемшиды ушли из Хорезма в Хорасан, он снова пришел к племени имрели и стал жить среди них. С течением времени оказавшись раздетым, голодным и нуждаясь во многом, он отправил людей к своему младшему брату Абд-ур-Рахман-беку, жившему в своем доме в столице. Приготовляя все необходимое для своего брата, Абд-ур-Рахман-бек все это посылал к нему, проявляя таким образом полное с ним единодушие и солидарность. Преданные и верноподданные люди, узнав об этом, донесли обо всем хану.

После соответствующего расследования пять-шесть человек из числа слуг преступника были задержаны и доставлены хану. Когда преступление окончательно подтвердилось, слуги были повешены, а сам Абд-ур-Рахман-бек был посажен в тюрьму⁸.

Продолжение рассказа о посольстве Хубби-ишана и Карлы-юзбаши

Прибыв к чоудорам, послы предъявили им ханские грамоты, а затем в течение 30 дней всяческими способами убеждали некоторых невежд из этого племени, после чего сердца их, бывшие до сих пор твердыми и бесчувственными, как железо, стали мягкими, как воск. После этого из знатнейших и лучших людей этого племени было составлено посольство, которое, во главе с ишаном Казак-баем, Карлы-юзбаши, казием и другими учеными людьми, направилось к ханскому двору для выражения своей преданности и покорности.

В среду 20-го раджаба (четверг 27 марта) (посольство) прибыло к хану и было удостоено его высоких милостей.

В это же время, т. е. в конце месяца раджаба (начало апреля 1856 г.) Хасан Мурад-бек, сын высокопоставленного Шах Нияз-аталыка, присоединившись к старшинам чоудоров, прибывших с Хубби-ишаном и Карлы-юзбаши, отправился с ними в качестве посла к другим чоудорам, имея при себе милостивые (ханские) грамоты.

В пятницу 6 числа ша'бана (суббота, 12 апреля) уехавшие доставили к хану посольство чоудорских старшин, во главе с их казием и ишанами, которые выразили полную преданность и покорность его величеству и были милостиво награждены.

В начале месяца ша'бана (начало апреля) один из занимавших высокое положение при дворе хана, Нияз Мухаммед-юзбаши, был послан к мервским теке и сарыкам с ханским предписанием о том, чтобы указанные племена прислали свои войска в помощь войскам хана для борьбы с йомутами в целях полного их истребления⁹.

Во вторник 10-го числа месяца ша'бана (среда 16 апреля 1856 г.) удостоились ханского

⁸ На лл. приводится подробный рассказ о том, что, потерпев в дальнейшем неудачу в борьбе с ханом, Сейид Назар-бек и Эвез Мухаммед-векиль притворно изъявили свою покорность хивинскому правительству, после чего Сейид Назар-бек прибыл в столицу и здесь умер.

⁹ На л. коротко сообщается, что около середины месяца рамазана (около 20 мая) войска теке и сарыков с границ Хорасана начали постепенно прибывать для службы хану.

приема предводители кыятов, Рустем, Исфендияр и Худаяр-бий, а также известные своей долгой службой хану некоторые старшины гокленов, которые, для того чтобы засвидетельствовать свою верность этому (Хивинскому) государству, произвели нападение на аул йомутских мятежников и овладели их многочисленным имуществом. Все они были обласканы ханом. Присоединив к гокленам упомянутых начальников, хан послал их к этому племени в Старый Ургенч для того, чтобы они после совершенных ими действий были осторожны.

В довершение гостеприимства, оказанного ханом старшинам чоудоров, прибывшим ранее ко двору для выражения своей покорности, к ним в субботу 14 ша'бана (воскресенье 20 апреля) был присоединен старший брат кушбеги Хасан Мурада, Мухаммед Риза-бек, который направился к месту жительства этого племени.

Мухаммед-риза-бек, как описывалось уже ранее, присоединился к старшинам чоудоров и направился с ними (к их местожительству) и здесь остановился.

В это время один из предводителей бунтовщиков-чоудоров, проживавших в Старом Ургенче, по имени Карнай-юзбаши, под влиянием чувства привязанности к хану и желания служить его особе, отделился от прочих бунтовщиков и явился к Мухаммед Риза-беку, который находился среди чоудоров в местности Кок-чеке.

Он пожелал, чтобы бек взял его с собой (в Хиву) и там представил хану. Мухаммед Риза-бек в сопровождении (Карная-юзбаши) и других старшин прибыл затем ко двору, где всем им был оказан милостивый прием.

О том, как мятежники-йомуты напали на окрестности (города) Хивы и как они были отражены и обращены в бегство узбеками и чоудорами, находившимися в войсках Якуба-мехрема

Когда великий повелитель (Сейид Мухаммед) вступил милостью божьей на царский престол, его мудрость и человеколюбие, подобно светлому лучу солнца, коснулись всех туркмен и особенно йомутов и имрели. Проявляя свою милость и благоволение, (хан) обратился к ним с следующим ласковым письмом: “О, туркменский народ! Уже с древних времен вы ревностно служите (Хивинскому) государству, с которым вас тесно связывают узы близкого родства. Все превратности судьбы и различные треволения, какие происходили в последнее время, ныне миновали. Оставьте же теперь все ваши прежние возмущения и беспорядки и без задержки и замедления приходите на ханскую службу, пользуясь здесь всеми благами и дарами, какими будет награждать вас хан”.

Однако это злосчастное племя продолжало оставаться (в цепях) невежества и преступлений, какими оно было до сих пор сковано. Не послушавшись высокомиловитых ханских слов, они (снова) стали на путь мятежа и непослушания.

Значительное число аламанщиков из этого племени собрались вместе и несколько раз они совершали нападения на окрестности Хивы, Ургенча и Гурлена.

Произведя грабеж среди степного населения (сахранишин) и прибрежных жителей и захватив большое количество женщин, детей и разного имущества, они после этого поспешно бежали, благодаря чему им удавалось избежать справедливого возмездия со стороны войск, посылавшихся вслед за ними в погоню¹⁰.

¹⁰ Значительные потрясения, переживавшиеся Хивой в связи с туркменскими восстаниями в рассматриваемое время, отмечаются также европейскими путешественниками. Килевейн, посетивший Хиву в составе миссии полковника Игнатьева в 1858г., сообщает следующее: “Все почти селения и города (по дороге из г. Кунграда в Хиву П. И.) были в самом жалком виде, повсюду видны были следы разбойничьих нападений туркмен; в разрушенных каракалпакских аулах встретили мы только младенцев и стариков; все молодое поколение было взято в плен и отправлено в Хивы или на персидскую границу

В конце месяца рамазана (конец мая 1856 г.) они (йомуты) собрались в количестве около 1500 человек конных и направились в районы, расположенные вокруг города Хивы, чтобы совершить на них нападение. Об этом узнал доблестный Якуб-мехрем, которому в это время была поручена охрана крепости Ильялы. Он спешно послал ко двору сообщение о замыслах мятежников, а сам с подчиненными ему войсками направился вслед (за йомутами).

Посланное (Якуб-мехремом) известие в пятницу 27 рамазана (воскресенье 1 июня) было доложено хану. Его величество приказал, чтобы часть хивинского гарнизона, совместно со старшинами чоудоров, во главе с Карнай-юзбаши и войсками теке, прибывшими из Мерва, под начальством Вейс Нияз-бая, Рахметуллы-юзбаши и Мухаммед Яр-бия, из кыятов, выступила бы против йомутских мятежников, с тем, чтобы не только проучить их, но и нанести им решительное поражение.

Согласно высокому приказу, все назначенные выступили утром в субботу 28-го числа указанного месяца (2 июня) из столицы и в конце дня прибыли к крепости (кала) Гази-абад (Газават, Хазават). Здесь же в ближайших окрестностях были и бунтовщики. После намаза “шам” разъезды обеих сторон издали заметили друг друга. Не будучи в состоянии подойти ближе, бунтовщики ударились в противоположную сторону.

Думая, что они (йомуты) отправились вверх, т. е. на восток, наши (т. е. хивинские) разъезды сообщили об этом своим командирам. Начальники в тот же вечер все вместе выступили и дошли до крепости (кала) Кош-копрюк¹¹. Не обнаружив здесь следов вражеского войска, они направились в сторону Шах-абада (Шават), пройдя через Чукур-кум. Когда они на рассвете в воскресенье (т. е. на следующий день—3 июня) находились уже вблизи Шах-абада, то услышали, что йомуты напали на (селение) Чагатай¹² и производят (там) грабеж и насилие.

Победоносные (хивинские) войска тотчас же с большой поспешностью направились в сторону Чагатая. Случилось так, что во время туркменского набега на Чагатай, туда прибыл со своими войсками Якуб-мехрем, который, как уже отмечалось, занимался преследованием мятежников. Оказавшись, по счастью, готовым (к бою), он со своими войсками направил коней на йомутов. Благодаря тому счастью, которое сопутствует могуществу великого государя, (войска) убили трех-четыре (йомутов) и овладели имуществом, захваченным ими в качестве добычи у населения. Не вынеся натиска победоносных войск, йомуты обратились в бегство. Случайно между йомутами и войсками (мехрема) оказался широкий и глубокий канал (яб) Манак, благодаря чему мятежникам удалось спастись от возмездия со стороны (хивинских) богатырей. Йомуты ушли на далекое расстояние в пески и там остановились. В это время к отряду (аламан) Якуб-мехрема подошли и присоединились начальники и хивинские войска, находившиеся под командованием Рахметуллы-ясаулбаши и Вейс Нияз-бая. Туркмены увидели это издали и поняли, что им надо бежать. Разделившись на отдельные мелкие части, они скрылись, рассеявшись в разные стороны. (Хивинские) войска, не будучи в состоянии переправиться через указанный канал, долгое время передвигались по его берегу и только к вечеру, найдя мост, сумели переправиться на противоположную сторону. Однако йомуты в это время поспешно скрылись, разбежавшись в разные стороны, так что преследование их являлось бесполезным. Поэтому начальники остановились здесь, послав некоторое количество разъездов в погоню за бунтовщиками. Посланные не сумели обнаружить следов йомутов или что-либо

для продажи. Такой же участи подверглись и город Кипчак и Ходжейли”. Килевейн. Отрывок из путешествия в Хиву. Зап. Русск. геогр. общ., 1861, кн. 1, стр. 100.

Этот же автор отмечает, что летом 1857 г. в Хиве свирепствовала сильная эпидемия, по-видимому, холера.

¹¹ В русскую литературу и картографию название этого населенного пункта проникло в произношении Кош-купыр. Городок (на картах “базар”) находится в 18—19 км на северо-запад от г. Хивы, в пределах Узбекской ССР.

¹² Селение Чагатай (Tschagatai) находилось в 11 км к юго-западу от г. Кытая (Хтай), между гг. Гурленом и Мангытом. См. Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches, Bd. II, St.-Petersb., 1839, S. 21. На современных картах пункт не нанесен.

узнать о них. (В конце концов) указанные начальники, после общего совета, по необходимости должны были направиться со своими войсками в сторону Хивы, а Якуб-мехрем с подчиненными ему войсками возвратился в Ильялы.

Однако мятежники-йомуты, узнав во время своего бегства о том, что их никто не преследует, напали на некоторых жителей (сахранишин) кишлака Кары в районе Ташауза, захватив (часть их) в плен. Казак-бай-ишан, узнавший еще ранее о том, что йомуты отправились в чапаул, собрал войско из икдыров и чоудоров и отправился в погоню за ними.

Встретив мятежников случайно в кишлаке Кары, он с большим рвением вступил с ними в бой. Не будучи в состоянии сопротивляться, мятежники отступили в порядке. Якуб-мехрем, узнав об этом происшествии при возвращении своем в Иьялы, отправил для преследования мятежников отряд из чоудоров и узбеков, во главе с отважным Дост Нияз-мехремом, сыном Карлы-юзбаши.

В полуденное время, во вторник 1 числа шавваля, (именно) во время праздника рамазана (четверг 5 июня 1856 г.), когда йомуты прошли около одного фарсаха (6—8 км) далее местности Кокче и беспечно расположились в одном месте на отдых, они (воины Дост Нияза) внезапно набросились на них и начали неистово их избивать.

Оставив захваченных пленных, йомуты пустились в поспешное и беспорядочное бегство.

Убив мечом мщения четырнадцать человек йомутов, воины захватили их головы, прочие спаслись от гибели бегством.

Веселые и довольные (хивинские) воины направились отсюда обратно и, пройдя большое пространство, прибыли в среду 2 шавваля (пятница 6 июня) в Хиву, к хану, который щедро наградил Дост Нияза-мехрема и всех других, находившихся под его командованием, и возвысил их среди других служилых людей ханства.

[Описывая события, происшедшие около середины месяца шавваля (около 20 июня 1856 г.), автор, между прочим, сообщает следующее:] Некоторое время тому назад высокопоставленные придворные Нияз Мухам-мед-юзбаши и Мухаммед Назар-бек, согласно высочайшему приказу, были отправлены гонцами (сурдаул) в область Ахала, а Эйдек-юзбаши в Мервскую область с тем, чтобы они собрали и доставили из упомянутых областей войска из теке и сарыков. В настоящее время эти лица явились к хану с многочисленным и храбрым войском из этих племен и были щедро за свою службу награждены ханства.

О том, как мятежники-йомуты снова направились для грабежа окрестностей Хивы и как они были рассеяны вышедшими против них хивинскими войсками

Когда среди йомутов, вследствие недостатка хлеба, распространился сильнейший голод, а в богохранимом государстве (Хорезме) посеянная и созревшая пшеница дала обильную жатву, эти мятежники решили напасть (на хивинское население) с тем, чтобы завладеть его хлебом, или— если это не удастся — то поджечь гумна. Вступив на путь заблуждений с такими злыми намерениями, они выступили в количестве свыше трех тысяч конных, для того чтобы совершить нападение на Хивинский район.

Известие об этом достигло двора в пятницу 25-го числа шавваля (воскресенье 29 июня). Хан приказал, чтобы прибывшие для службы хану войска теке и салыров, совместно с ханскими приближенными, а также всеми биями и юзбаши аральских и каракалпакских племен, которые после взятия крепости Эр Назара¹³ находились в распоряжении хана и теперь собирались

¹³ идет об усмирении восстания каракалпаков, во главе которых находился один из биев, рода конград, Эр Назар, оборонявшийся от хивинцев в выстроенной им крепости. См. П. П. Иванов, Очерк истории кара-калпаков. Труды Инст. востоков. АН, т. VII, Л., 1935, стр. 86—87, Ср. также стр.135 и сл.

возвращаться в свои земли, чтобы все они вместе, под общей командой Махмуд Нияз-ясаулбаши, сразились бы с мятежниками-йомутами и защитили бы от них (жизнь и) имущество населения.

В силу высочайшего приказа, все назначенные в тот же день после намаза “шам” выступили, отряд за отрядом, из города и направились к назначенному им месту. Пройдя на следующий день утром около времени намаза “бамдад” около Шейх-кала¹⁴ и подойдя близко к Зейкешу к югу от крепости Гази-абад¹⁵, они издали увидели неприятельские войска.

Остановившись в одном месте, (йомуты) направляли свои отряды для набегов на Гази-абад, Узбек-яб, Бурлак¹⁶ и другие (хивинские) крепости.

Когда взошло солнце и осветило расположение войск, обе стороны произвели все необходимые для боя приготовления и выстроили свои войска как правого, так и левого крыла.

Когда войска обеих сторон стали друг против друга и привели себя в боевой порядок, удалыцы с той и другой стороны выступили на поле сражения¹⁷.

Горячий бой продолжался с раннего утра до полудня, когда доблестное (хивинское) войско, особенно теке и кара-калпаки, проявляя необычайную храбрость, прорвались вперед и несколько раз своим натиском потрясли ряды йомутов. Дело приближалось уже к тому, что мятежники должны были понести поражение и пуститься в бегство, но в этот момент прибыли с разных сторон те отряды (йомутов), которые перед тем уходили в набег. Присоединившись (к сражающимся йомутам), прибывшие тем самым укрепили их ряды.

Общими силами они набросились на победоносное (хивинское) войско, которое, вследствие своей малочисленности, через некоторое время отступило к крепости Шейх-кала, где остановилось и стало крепко держаться, ведя упорное сражение. Около полудня мятежники прекратили сражение и отступили с поля битвы. Отойдя на расстояние одного фарсаха, они остановились для отдыха.

В ту же ночь они двинулись поспешным маршем к своим аулам (оба).

Махмуд Нияз-ясаулбаши со своими доблестными войсками в эту же ночь победоносно отправился в обратный путь и явился в распоряжение хана.

С нашей стороны в описанном выше сражении погибло приблизительно тринадцать человек, а кроме того оказалось ранеными два-три человека из племени (кара) калпаков¹⁸, из которых наиболее известным является отважный Раджеб-юзбаши. Все (участники похода) были обласканы и награждены ханом. Кутлуг Мурад-бий, принадлежавший к числу знатных лиц аральских конгратов, попал в плен.

Из числа мятежников-йомутов от меча наших воинов пало свыше двадцати человек, кроме того, пять-десять человек из них получили тяжелые ранения, вследствие которых они через некоторое время умерли.

Что касается Мухаммед Якуб-мехрема, то он, услышав о движении йомутов по направлению к Хиве, выступил на них из Ильялы со своими войсками и в тот же день к вечеру прибыл в крепость Гази-абад. Утром (следующего дня), когда подтвердились сведения об их отступлении, он возвратился в Ильялы.

(После окончания похода) во вторник 29 шавваля (3 июля) хан милостиво наградил всех конгратских и кара-калпакских биев, юзбаши и старшин и разрешил им возвратиться в свои

¹⁴ На десятиверстной карте сел. Шейх.

¹⁵ На десятиверстной карте, километрах в 6 к югу от Гази-абада (Хазават) нанесен “проток Зейкаш”.

¹⁶ К юго-востоку от Гази-абада.

¹⁷ Пропускаются подробности, связанные с описанием боя, в прозе и стихах.

¹⁸ По поводу употребления термина “калпак” см. “кара-калпак” см. Тр. ИВ АН, цит. соч., стр. 143 пр.

В дополнение к указанному примечанию можно отметить, что термин “калпак” см. “каракалпак” встречается также в соч. бухарского историка середины XVIII в. Мухаммеда Вефа. “Тарих-и-Рахим-хани”, ркп. ИВ АН С 527, л. 296а.

земли, приказав при этом, чтобы войска всех аральцев и кара-калпаков в конце месяца зуль-ка'да (начало августа) прибыли в Старый Ургенч для войны с мятежниками-йомутами.

Изыявив полную готовность исполнить ханское повеление, они, довольные и веселые, отправились к себе.

В четверг 8 числа месяца зуль-ка'да (пятница 11 июля) один из высокопоставленных ханских придворных Махмуд Нияз-ясаулбаши, руководствуясь высочайшим приказом, отправился к кара-калпакам, чтобы собрать все их войско и направиться с ним по направлению к Старому Ургенчу. Прибыв к этому послушному народу, (ясаулбаши) собрал здесь всех нукеров и, явившись с ними в Ходжа-эли, стоял здесь долгое время, в ожидании дальнейших высоких распоряжений. В середине месяца мухаррема (1273 г. х. — середина сентября 1856 г.) он, согласно приказу хана, отправил в Таш-хауз (Ташауз) в распоряжение царевича Махмуд-торе-бия¹⁹, а сам с некоторыми нукерами из указанного народа (т. е. кара-калпаков) отправился в Старый Ургенч и там остановился.

В понедельник 12-го числа упомянутого выше месяца зуль-ка'да (вторник 15 июля) его величество, выполняя просьбу йомутских старшин, назначил послами высокопоставленного сановника Мухаммед Салиха-аталыка и благочестивого представителя ученых богословов Ибадулла-ишана и отправил их с ласковым письмом к непослушным йомутам, во главе которых находился Ата Мурад-хан²⁰.

Назначенные лица, в соответствии с изданным приказом, прибыли к этим мятежникам, ознакомили их с милостивой грамотой его величества и вели с ними соответствующие назидательные беседы. Однако эти несчастные мятежники, сбившиеся с истинного пути и попавшие в пустыню вражды и возмущения, не послушались благоразумных советов и, не внимая словам людей мудрости, отослали (послов) обратно, присоединив к ним по несколько человек от каждого рода, с выражением своих ничего незначущих извинений.

Во вторник 27 числа указанного месяца (среда 30 июля) названные выше послы прибыли к хану и доложили ему о всем слышанном и виденном среди этих бунтовщиков и возмутителей.

По просьбе покорных Хиве йомутских племен Ибадулла-ишан был отправлен в субботу 29-го числа месяца зуль-хиджа (воскресенье 31 августа 1856 г.) с милостивой ханской грамотой к той части йомутов, которая продолжала вести себя недостойным образом, с тем, чтобы внести в их среду успокоение.

На следующий день, т. е. в воскресенье, приходившееся на первый день месяца мухаррема наступившего 1273 г. х. (понедельник 1 сентября 1856 г.), он (ишан) отправился по назначению. Одиннадцатого числа того же месяца (11 сентября) Ибадулла-ишан возвратился к хану, приведя с собой посольство, в состав которого входила группа старейшин племени имрели, во главе с Баба-бахши, Алла-кули-векилем и Ата Нияз-ханом. Раскаявшись в своих прежних преступлениях и полагаясь на заступничество Ибадулла-ишана, они привели с собой также находившегося некоторое время у них в плену Кутлуг Мурад-бия, одного из благородных конгратов (см. выше). Самоуниженно склонив голову перед ханом и выражая раскаяние как в старых, так и в новых своих проступках, они просили у него извинения. Хан простил все их проступки и преступления и осыпал их своими милостями и наградами.

В пятницу 13-го числа названного месяца (13 сентября) облагодетельствованные (послы) отправились обратно, захватив с собою также названного выше ишана, чтобы (с его помощью) привести к покорности некоторых еще не подчинившихся хану бунтовщиков.

¹⁹ Которому, как сообщается на л. 66б, было поручено общее командование над войсками, действовавшими в этом районе против йомутов.

²⁰ Ата Мурад-хан играл выдающуюся роль в борьбе йомутских племен против хивинских ханов вплоть до завоевания Хивинского ханства Россией в 1873 г. О нем см. Н. И. Веселовский, цит. соч., стр. 340 и сл., также М.А.Терентьев, История завоевания Средней Азии, т. II, СПб., 1906, стр. 59 и сл.

Прибыв к йомутам, они (послы) подробно рассказали этим непокорным о всех тех милостях и благодеяниях, какие оказал им его величество, и употребляли всяческие усилия к тому, чтобы погасить их вражду и направить их на путь мира и подчинения (хану). Весь непокорный народ, после размышлений и совещаний, единодушно признал (необходимым) примирение (с ханом) и подчинение ему.

Собрав пушки, оставшиеся еще со времени тревожных событий при Абдулла-хане, а также знамена и снаряжение и вручив все это нескольким лицам, выделенным от каждого рода (уруг), йомуты направили их вместо с названным выше ишаном к ханскому престолу с просьбой о прощении.

Все посланные в четверг 26-го числа указанного месяца (пятница 26 сентября) были милостиво приняты ханом. В воскресенье 29 числа этого же месяца им (послам) было разрешено отправиться в обратный путь. Вместе (с йомутскими послами) из числа уважаемых шейхов были отправлены также Ибадулла-ишан, Сабир-ишан и Мухаммед Назар-бек, сын Шах Нияз-аталыка, с тем, чтобы они направились к йомутам, с целью улучшения и укрепления мирных отношений с ними, а также направления на истинный путь тех из них, которые находились еще во вражде.

Прибыв, согласно высочайшему приказу, к мятежникам-йомутам и начав с ними мирные переговоры, они (послы) своими ласковыми советами и наставлениями склонили их к повиновению богу, его посланнику и падишаху.

Однако, опасаясь ханского гнева и возмездия за совершенные ими тяжкие преступления и злодеяния, они воздержались от прибытия с повинной к высокому престолу и, не послушавшись призывавших их к истине и справедливости советов указанных ишанов, эти несчастные отправили их ни с чем обратно.

О выступлении эмир-уль-умара, царевича Сейид Махмуда-торе, из Ташауза и перенесении лагеря его в окрестности Ильялы, об обращении йомутов с просьбой о мире, о возвращении эмир-уль-умара из Ильялы в Хиву и о поселении йомутов в окрестностях Хан-абада

[Опускается напыщенное предисловие, которое сводится к краткому пересказу некоторых уже приводившихся выше сведений.]

Находясь в течение четырех месяцев в Ташаузе, он (царевич) занимался со своими войсками охраной богохранимого государства.

Ханом была отправлена к царевичу грамота, которой предписывалось отправиться в окрестности Ильялы и принять меры к тому, чтобы наказать и стеснить бунтовщиков. В случае, если последние откажутся от враждебных действий, выразят раскаяние в совершенных ими преступлениях и проявят искреннее стремление к миру, то чтобы он (царевич) не подвергал их испытаниям, а заключил бы с ними мир, а затем, наведя соответствующий порядок в тех местах, возвратился бы (в столицу).

Исполняя предписание ханской грамоты, (царевич) в последний день месяца мухаррема (30 сентября 1856 г.) без всякой задержки и замедления послушно выступил со своими войсками (стихи) и через некоторое время торжественно прибыл в окрестности этой высокой, как небо, крепости. Здесь, на западной стороне (крепости) войска расположили свой лагерь (стихи).

С прибытием победоносного войска к этой крепости, положение мятежников стало тяжелым и опасным. Они теперь не находили другого средства к избавлению себя от грозившей им опасности со стороны (ханского) войска, как только в покорности и повиновении.

С некоторого времени во всем Хорезмском государстве хлеб стал дорог, особенно среди

этого злосчастливого племени, в виду того, что они, находясь теперь вне обычных своих мест и привычной им родины, не в состоянии были производить посевы. По этой причине среди них (йомутов) широко распространились голод и дороговизна, от которых часть народа погибла, некоторые из них стали считать для себя дозволенным нечистое (харам) и трупы покойников (стихи)²¹.

Когда это племя увидело, что с одной стороны ему грозит опасность от победоносных (хивинских) войск, а с другой угрожают голод и дороговизна, оно, окруженное со всех сторон несчастьями, потеряло всякую надежду на спасение. Некоторые из старшин (кедхуда), выделявшихся своей искренней преданностью интересам (Хивинского) государства, под руководством бахши и векилей созвали бунтовщиков на великое собрание (улуг маджма), во время которого они всячески угрозами и запугиваниями удерживали их от мятежных выступлений и стали склонять к повиновению (хану) Ата Мурад-хана, Билима и Берды-Инглиса²², которые, не пренебрегая ни обманом ни хитростью, стояли во главе мятежников и в течение продолжительного времени производили возмущения.

Увещевая их, (старшины) говорили: “Против нас движется огромное войско, угрожающее нам своим мстительным гневом, и вместе с тем народ наш находится на краю гибели от голода. Если мы теперь не исполним ханского приказа, предписывающего нам покорность и подчинение, и не возвратимся в Хиву, чтобы на базарах ее покупать необходимый нам хлеб, то все мы погибнем вместе со своими семействами. Совет наш таков, что всем нам следует теперь повесить себе на шею меч и саван и идти с выражением своей покорности и подчинения к великому торе эмир-уль-умара и просить у него разрешения перекочевать на свою родину. Такой покорностью мы сумеем спасти себя от гибели, так как других путей к спасению нет. Следует (поэтому), чтобы вы теперь же, вместе с нами, отправились к царевичу и, признав полную свою беспомощность, выразили бы ему свою покорность и подчинение. Таким путем вы сумеете спасти себя от гибели и всяких несчастий, а весь народ избавить от бедствий, голода и нищеты” (стихи).

Услышав эти добрые советы и увещания со стороны живущих в подчинении (Хивы) йомутских старшин, начальники и предводители мятежников во главе с Ата Мурад-ханом, Мухаммедом-вели, Билимом и Берды-Инглисом, с искренним доверием и надеждою последовали этому бескорыстному дружественному совету, и, отказавшись от злых дел, согласились служить его величеству и во всем исполнять его волю. Для того, чтобы выразить свою искреннюю преданность, они единодушно и со смирением написали великому эмир-уль-умара следующее: “С некоторого времени мы, в силу своего полного невежества и преступных наклонностей, очутились в пустыне вражды и злодеяний и, сбросив с себя благодетельное иго послушания его величеству, увидели себя в пучине бед и несчастий, являющихся заслуженным наказанием (за совершенные нами дела). Раскаиваясь в настоящее время во всех совершенных нами недостойных делах и недопустимых проступках, мы проявляем искреннее намерение и чистосердечное желание со всем своим народом и населением переселиться на свою первоначальную родину и прежнее свое местожительство в пределах вечной державы (Хивы) и служить верой и правдой могущественному государю. Однако при настоящем положении, когда победоносные войска его высочества (царевича Махмуд-торе) стоят во всеоружии и полной боевой готовности в окрестностях Ильялы, мы опасаемся пройти через их (ряды) со своим народом, семействами, детьми и имуществом. Наша просьба к вашему высочеству теперь

²¹ Уже цитировавшийся выше Килевейн (см. пр. к стр. 569) сообщает, что “междоусобия и непрерывные войны породили повсюду страшную дороговизну и голод. Поля остались незасеянными и необработанными. Пуд хлеба, стоивший обыкновенно 4 тенги (80 коп.), продавался в это время по 20 тенге (4 руб.)”. (Килевейн, цит. соч., стр. 103). Тот же автор отмечает, что население Хивы вынуждено было производить закупки хлеба в Бухаре.

²² Инглис — англичанин.

заключается в том, чтобы вы увели свои войска из окрестностей Ильялы к Хиве и дали бы нам возможность со всем нашим народом и имуществом перейти на свои прежние места и найти там себе успокоение. После этого мы с еще большим, чем прежде, усердием будем исполнять все ханские повеления и всей душой и сердцем служить его величеству” (стихи).

Подтвердив присягой и клятвой правдивость написанного, все знатные и начальствующие лица вписали в грамоту свои имена и поставили свои печати, после чего они вручили свое послание некоторым честным и уважаемым старшинам, во главе с Баба-бахши²³, и смиренно направили ее (Сейид Махмуду). Все вышеуказанные старшины удостоились милостивого приема со стороны царевича, которому они с подобающим почтением и изложили написанное в их грамоте.

В полном единении с находящимися при нем эмирами и сановниками и в соответствии с приказом его величества, он (царевич) выслушал слова о покорности и подчинении этого народа и отнесся милостиво к их просьбам. Осчастливив прибывших старшин деньгами и халатами, он в ответ на доставленное ими письмо написал любезную ответную грамоту и, вручив ее старшинам, ласково отпустил их с своим ответом, а сам, руководствуясь высочайшим приказом, направился со своей ставкой из окрестностей Ильялы в обратный путь.

Остановившись по пути в Ташаузе, он распустил по дороге свои войска, чем те были чрезвычайно довольны, сам же в сопровождении главных начальствующих лиц, сановников и избранных людей из своей свиты, направился в столичный город Хиву. Прибыв в пятницу 3 числа месяца раби I (суббота 2 ноября 1856 г.) в город, он удостоился лицезрения его величества и его бесчисленных наград (стихи).

Когда эмир-уль-умара (Сейид Махмуд) заключил мир с йомутскими старшинами и, удовлетворив их просьбу, возвратился из-под Ильялы, йомуты ожили и радостно стали собираться в путь. Однако Ата Мурад-хан, Мухаммед-вели, Билим и Берды-Инглис, являвшиеся главными зачинщиками среди бунтовщиков и возмутителей, испугались ханского гнева и наказания и с некоторой группой (гурух) йомутов воздержались от перекочевки.

Пообещав явиться со своими извинениями к его величеству позже, они со скопищем своих родственников и прочих находившихся в их ведении бунтовщиков остановились в местности Хан-абад, где они находились прежде. Прочие йомутские племена отделились от них и со всем своим имуществом, скотом и всяческого рода движимостью, с семействами и детьми прибыли в Ак-сарай, Муз-кумган, Бедркент и Янги-яб, территория которых являлась первоначальным местожительством их, и поселились здесь каждый на своей земле²⁴.

Однако и оставшаяся часть йомутов несколько позже явилась смиренно к хану и также поселилась затем на своих старинных местах.

²³ Бахши — термин, до сих пор, как известно, встречающийся у туркмен в значении “профессионального певца-музыканта” (см. подробно о музыкантах-бахши. В. Успенский, Туркменская музыка. Под общ. ред. В. Беляева. М., 1928). Наши материалы показывают, что тот же термин б а х ш и встречается у туркмен (по крайней мере йомутов) и в другом значении, именно “начальник”, “старшина”, “глава племени”, стоящий, по-видимому, по объему своих функций выше векиля. В этом своем значении термин бахши был известен не только у туркмен-йомутов, но также среди монголов при Чингиз-хане (ср. В. В. Бартольд, Туркестан, ч. II, стр. 421, Б. Я. Владимирцов, цит. соч., стр. 184), в Золотой Орде (ср. Тр. Вост. отд. Русск. арх. общ., ч. 8, стр. 441), в государстве Тимура (ср. Тр. Гос. Публ. библ. УзССР, т. I, Ташкент, 1935, стр. 34), у тимуридов (ср. Зап. Вост. отд. Русск. арх. общ., т. XVI, стр. 08), у татар в период существования Казанского ханства (ср. Г. Перетятко-в ич, Поволжье в XV — XVI вв., М., 1877, стр. 127), среди узбеков в начале XVI в. (ср. выше стр. 57), в государстве Великих моголов XVII в. (ср. Франсуа Бернье, История последних политических переворотов в государстве Великого могола, перев. Б. Жуховецкого и М. Томара, М.—Л., 1936, стр. 57) и ряда других народов тюрко-монгольского происхождения (ср. The Babar-nama ed. by A. C. Beveridge, I, London. 1905, p. 62b 211b и сл.). Слово бахши (бакшы) считается санскритским; в средние века оно было известно также уйгурам в значении “секретарь” (ср. Uigurische Sprachdenkmale, изд. W. Radloff и С. Е. Малов, Л., 1928, стр. 26, 266).

²⁴ Из сообщения автора на лл. 106б—107а данной рукописи видно, что окончательное поселение йомутских племен на принадлежащих им землях состоялось в середине месяца ша'бана 1273 г. х. (середина апреля 1857 г.).

Прочие туркменские племена, являвшиеся до сих пор разбросанными и рассеянными в различных местах, теперь собрались вместе, и каждое из них заняло прежде принадлежавшую ему территорию. Однако в смущенные сердца племени (таифе) гокленов проникли страх и опасение, вследствие чего они покинули уже несколько лет занимавшиеся ими места и все откочевали из Хорезма, с намерением направиться на Гюрген. К гокленам же присоединился боявшийся ханского гнева Эвез Мухаммед-векиль, из племени имрели, со своими сородичами и близкими. Когда они все вместе прошли значительное расстояние и достигли границ Хорасана, один из курдских ханов, Джафар-кули-хан, являвшийся наиболее могущественным из всех ханов этой страны, поместил племена гокленов и имрели внутри горного района, в местности, носившей название Карры-кала, где им и были предоставлены вода и земля²⁵.

[В рассказе о событиях 1273 г. х. (1856/57 г.) между прочим сообщается следующий эпизод, связанный с изложенными выше известиями:]

Один из могущественных и славных военачальников, избранный среди придворных, Махмуд Нияз-ясаулбаши, согласно высочайшему распоряжению, отправился в Куня-Ургенч и в течение пяти месяцев охранял эту крепость. В настоящее время он по ханскому приказу оттуда возвратился.

Ходжа Мухаммед-юзбаши, который принадлежал к числу мятежных чоудоров и находился с подвластными ему людьми в окрестностях Куни Ургенча, из страха ханского наказания за множество совершенных им преступлений, до сих пор не являлся еще с повинной к хану. (Теперь) он также, откочевав от Куни Ургенча, присоединился к (возвращавшемуся) ясаулбаши и, поручив себя его заступничеству, в четверг 11-го числа указанного выше месяца (джумади II — пятница 6 февраля 1857 г.) явился со всевозможными извинениями к его величеству и получил прощение.

(События 1274 г. х. — 1857 г.). Около 30 лет тому назад воды р. Аму-дарьи силой прорвались в канал (арна²⁶) Лаудан. Значительное количество воды (из реки) направилось по этому каналу, (вследствие чего) большинство возделанных земель превратилось здесь в озера. Направившись в старое русло (Аму-дарьи), которое находится к юго-западу от Куни Ургенча и носит название Шаркраук, вода потекла по нему на большое пространство. Не обрабатывавшиеся ранее земли сделались необычайно плодородными²⁷.

Снимая обильную жатву с этих земель, большинство (живших здесь) туркмен, во главе с йомутами, благодаря чрезмерной (собств. полной) своей сытости (!), начали возмущаться.

Поскольку проток воды по указанному каналу (Лаудану) являлся причиной беспорядка и возмущения со стороны туркменских мятежников, его величество в четверг 4-го числа раби I (пятница 23 октября 1857 г.) назначил высокопоставленного сановника и великого везира государства, Хасан Мурада-кушбеги, для того, чтобы тот запрудил указанный канал и тем самым лишил бы мятежников надежды на сбор жатвы. В соответствии с высочайшим повелением, кушбеги в тот же день направился для выполнения порученной ему обязанности, захватив с собой множество землекопов (бельдар) и прочих рабочих из числа населения (райя) богохранимого государства.

Приблизительно в десять дней он соорудил плотину (бенд), сделав ее такой же мощной, как

²⁵ Сведения о создавшихся затем взаимоотношениях между Джафар-кули-ханом и гокленами имеются в “Насих-ут-таварих”, равно как и сообщения о его борьбе с туркменами и переселении гокленов. См. выше стр. 273 и сл. переводов.

²⁶ По поводу термина арна см. В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 29. Ср. также А. Вамбери, Путешествие по Ср. Азии, стр. 168.

²⁷ Данный эпизод кратко изложен у В. В. Бартольда, цит. соч. стр. 99. Находившийся в хивинском плену Кузьма Шмелев показывает, что “в 1834 году во время разлива Амин-дарьи (Аму-дарьи. П. И.) вода прорвалась в русло Шар-краул (Шар-краук) в таком количестве, что при Куни Ургенче необходимо было устроить перевоз”. Журнал мануфактур и торговли, 1843 г., ч. II, кн. I, стр. 87.

стена Александра (Македонского). После этого кушбеги направился обратно и в средних числах указанного месяца явился к хану.

[Рассказывая о выезде хана на охоту в 1274 г. х., автор, между прочим, сообщает, что во время этой поездки к хану явился Палван Какелли, который поднес своему повелителю девять голов, отрубленных им у мятежных теке.]

Подробности этого дела таковы: один из славных военачальников, отважный и высокопоставленный Палван Какелли, некоторое время тому назад отправился, по приказанию хана, в пески на хорасанскую дорогу и занимался здесь со своим отрядом охраной (хивинских) сборщиков топлива (отунчи) и угольщиков (комурчи). Совершенно неожиданно появилась группа конных хорасанских теке, которые приближались воровским путем к хивинским пределам, чтобы совершить нападение на угольщиков. Храбрые (хивинские) воины были застигнуты врасплох. Увидев их (теке), Палван Какелли и находившиеся при нем слуги направили своих коней на этих злодеев и, набросившись на них, стали их избивать своими мечами. Не выдержав их ударов, аламанчики обратились в бегство. (Хивинские) храбрецы стали так действовать своим смертоносным оружием, что среди песков полились потоки крови. Ни один из злодеев не мог спастись (стихи)²⁸.

[С этой же охотой связан другой эпизод:] В то время, когда его величество благополучно прибыл в Хазарасп и здесь расположился, толпа аламанчиков из хорасанских теке появилась в окрестностях Питняка и напала в песках на сборщиков топлива. Когда до слуха его величества дошло, что (эти теке) захватили трех-четыре человека (вместе) с верблюдами и вьючными лошадьми (ябу) и бежали, хан назначил для их преследования одного из своих приближенных, славного Дост Нияза-мехрема с отрядом войск. Исполняя ханский приказ, названный мехрем с молниеносной быстротой прошел большое расстояние, после чего напал на след (теке). Те, увидев издали (хивинских) храбрецов и почувствовав страх, стремительно пустились в бегство, бросив захваченную ими добычу и пленных.

Вследствие утомленности своих лошадей, храбрецы воздержались от преследования и, захватив брошенное ими имущество и пленных, направились в обратный путь. Достигнув через семь дней указанного места (Хазараспа), они явились к хану, который удостоил их своих милостивых наград.

[Когда хан во время охоты находился в Шурахане], к нему с разных сторон явились сюда ханы всех казахских племен, (кара)-калпакские бии, аральские старшины, а также вожди и сердары всего туркменского народа. Преподнеся хану достойные его величества подарки и подношения, они удостоились милостивого приема и царской ласки (стихи).

[Далее сообщается, что за время охоты хана в государстве произошли "беспорядок и смута", вследствие чего хан прервал свои развлечения и направился в столицу.]

Все находившиеся при особе его величества йомутские старшины, как только услышали об этом событии (т. е. "беспорядках"), пришли в большое смятение и страх и, уйдя от хана без всякого разрешения, рассеялись по своим аулам (оба). Придя по этой причине в гнев, хан приказал задержать некоторых из йомутов, находившихся в столице.

После того как его величество вернулся с охоты и воссел на свой царский престол, он решил наказать и проучить мятежников из йомутского племени. Назначив место и время сбора для каждого племени (элят) как близкого, так и далекого, он повсюду разослал ясаулов и гонцов (с приказанием), чтобы как нукеры, так и все прочие готовили оружие и иное военное снаряжение и чтобы каждые десять человек нагрузили одну арбу продовольствием на три месяца и после этого пешие и конные являлись к хану.

²⁸ Далее (л. 125а) рассказывается о награждении воинов, а также о том, что для охраны "хорасанской дороги" был назначен новый отряд, направившийся к колодцу Сагаджа.

Когда об этом услышали йомутские племена, на них напал страх. Вместе со всеми своими семьями, детьми и имуществом они ушли с мест, которые они занимали, и направились частью к мазару святого Махмуд-ата, а большей частью собрались в Дерекли на юго-восток от крепости Измухшир. Будучи с трех сторон окружена водой и лишь с востока имея небольшое открытое пространство, эта местность представляла собой неприступную твердыню. (Отсюда) йомуты, отряд за отрядом, выезжали, чтобы совершать неожиданные нападения на сельское население (сахранишин, фукара) и его имущество, а затем стремительно скрывались.

Среди населения (райя) они (йомуты) всюду возбудили тревогу. Вследствие этих причин, в ожидании сбора войска, хан в пятницу 29-го числа месяца джумади I (15 января 1858 г.) послал одного из славных своих приближенных, Махмуд Нияза-ясаулбаши с группой находившихся при ханском дворе слуг, в качестве передового отряда (караул юсунлук), в Гази-абад, с целью проучить негодных йомутов и внести успокоение в среду сельского населения.

Трое из высокопоставленных и славных сановников — Хаким Нияз-аталык, из кыпчакской знати, Баба-бек, сын Мухаммед Салих-аталыка, из конгратских вельмож, и Юсуф-бий, один из которых являлся начальствующим над кара-калпаками “четырнадцати родов”²⁹, один командовал войсками кара-калпаков рода конграт, а один возглавлял военные силы (узбеков) конгратцев, еще раньше, по приказу хана, отправились для сбора своих войск и доставки их (на службу к хану). В субботу 18-го числа месяца джумади II (среда 3 февраля 1858 г.) они все трое прибыли к его величеству, приведя с собой все войско кара-калпаков и конгратцев, вместе со всеми биями и юзбаши. В течение двух дней они отдыхали в столице, а в пятницу 20-го числа указанного месяца все эти начальники со всеми подчиненными войсками выступили из города. Отправившись в виде сторожевой заставы в Зей³⁰, они расположились там лагерем и занялись охраной здешних мест.

[Далее с необычайной подробностью рассказывается о том, что когда большая часть войска оказалась в сборе, хан оставил своим наместником в столице своего брата Сейид Махмуда, а сам в понедельник 2-го числа раджаба 1274 г. х. (вторник 16 февраля 1858 г.) лично выступил в поход против йомутов].

Расположив свою ставку в местности на восток от озера Касым-ака, хан задержался здесь на три дня в ожидании окончательного сбора войск.

На второй день пребывания здесь его величества, во вторник, к нему явился один из почтенных и благочестивых людей, Садык-ишан, который привез с собою извинительное письмо, составленное от имени всех вождей, начальников и старшин йомутского племени, приложивших свои печати и выражавших просьбу о прощении их проступков. Через посредство приближенных письмо это было представлено хану, который, однако, не придавал значения словам и не проявил к ним своей благосклонности. Все же в виду ходатайства со стороны сановников, хан поставил йомутам несколько условий, соблюдение которых являлось обязательным для того, чтобы можно было говорить о прощении.

Написав в этом смысле грамоту, хан вручил ее упомянутому ишану и в тот же день отпустил его в йомутский лагерь (стихи).

Во время стоянки, чтобы испытать пушкарей и устроить им экзамен, его величество приказал им стрелять из пушек по мишеням. Начальствующий над этими людьми

²⁹ По поводу термина “четырнадцать родов” см. примеч. к переводу “Фирдаус-уль-икбаль”, стр.328, прим. 1.

³⁰ Зей — небольшое селение, расположенное в низовьях арыка Палван, в 6 км от г. Хивы. Beitrage zur Kenntniss etc., S. 23. Ср. А. Вамбери, Путешествие в Ср. Азию, стр. 168. Зей считался пограничным селением между Хивой и туркменскими районами.

(артиллеристами), Баба-мингбаши, два раза попал в мишень и вместе с десятью своими служителями был награжден почетным халатом и многими другими подарками³¹.

За время стоянки хана в этой местности сюда собралось несметное количество (хивинских) войск (стихи).

(Когда хан со своими войсками двинулся дальше и прибыл в Куюк-там) к нему явились три раба (тогмэ), бежавшие от йомутов. Они сообщили, что та часть йомутов, которая ранее находилась в окрестностях мазара святого Махмуд-ата, узнав о выступлении против них многочисленного ханского войска, в страхе бежала поспешно к йомутам, собравшимся в Дерекли, и присоединилась к ним.

По приказу его величества, приближенные ханского двора освободили этих рабов от цепей рабства, осыпали их своими ласками и включили их в состав воинов.

Проведя эту ночь в Куюк-таме, хан на следующее утро, в пятницу, выступил и остановился затем в чарбаге³² Абдуль-Мумина Каши, к западу от Хайр-абада. В этот же день прибыли в ханскую ставку и присоединились к прочим войскам высокопоставленный Хаким Нияз-аталык, а также Баба-бек, Кутлуг Мурад-бий и Юсуф-бий, которые (ранее) со всеми кара-калпаками и конгратцами находились в охране и стояли лагерем на территории (селения) Зей, как об этом сообщалось уже ранее. Теперь по ханскому приказу они явились со всеми кара-калпакскими и конгратскими биями, юзбаши и нукерами, во главе с Кабиль-бием и Сахиб Назар-бием. В этот же день к хану явился из Зея начальник Ак Дербенда Акбар-юзбаши с нукерами своей крепости. Один из высокопоставленных вельмож, Султан-мираб в этот день был назначен (ханом) для сопровождения войск и определения соответствующего пути в дальнейшем их движении. Яхши Мухаммед-даруга, Рахметулла-ясаулбаши и Мухаммед Мурад-мехрем получили приказание подыскать подходящее место для расположения лагеря. Они спешно отправились и подыскали подходящее место в Керпехли в районе Гази-абада, к вечеру вернулись и доложили об этом (хану). На следующий день, в субботу, хан с войсками двинулся дальше и когда достигли Керпехли, то расположились здесь лагерем, а хан поместился в рабате Ходжаш-мехрема. Когда зашло солнце, небо покрылось тучами и пошел дождь. Вследствие обилия грязи, войска простояли здесь четверо суток. На второй день стоянки, в воскресенье Ходжа Нияз, (по прозвищу) Вор, из Гази-абада, превосходивший всех своей ловкостью и коварством, по ханскому приказу, пешком отправился с двумя другими ловкими молодцами, чтобы добыть “языка” из йомутов. Придя в окрестности мазара Махмуд-ата и просидев два вечера в засаде, они на третий день, во вторник, хитростью поймали двух мятежников. Одного из туркмен они убили, а другого доставили живым, за что каждый из участников получил награду по своему желанию.

Хан лично допросил (пленного) йомута о положении его соплеменников. Тот чистосердечно рассказал следующее: Ата Мурад-хан явился с двумястами всадников из Хан-абада и стал употреблять всяческие усилия, чтобы переселить всех йомутов к своему аулу (оба) в Ашак. Однако, начальники этого племени не послушались слов Ата Мурад-хана и, считая себя подданными правителя (Хивинского) государства, во главе с Ходжа Нияз-векилем, признали более правильным перекочевать в Хиву. (Однако) половина из них (йомутов) склонилась к переселению в Ашак. Ата Мурад-хан снова стал делать всевозможные усилия, чтобы уговорить и склонить всех йомутов к переселению в Ашак. В то время векиль (Ходжа Нияз) сказал: “Если весь народ поступит так, как говорю я, и если он исполнит требования привезенной Садык-

³¹ Данные о хивинской артиллерии см. Иванин, М. И., Хива и река Аму-дарья. С картой и рисунками. СПб., 1873 г., стр. 58.

³² По поводу термина чарбаг см. П. П. Иванов, Удельные земли Сейид Мухаммед-хана, Зап. Инст. Востоковедения АН, т. VI, 1937, стр. 45, прим.

ишаном ханской грамоты и выполнит поставленные ею условия, то я снова пошлю этого ишана к его величеству и сам пойду вслед за ним со всем народом к Хиве в надежде на милость и поддержку (со стороны хана), в противном случае я со своими людьми уйду на Гюрген”.

После этого Ата Мурад-хан оказался беспомощным; однако для того чтобы посеять среди народа вражду и опираясь на некоторых подпавших под его влияние негодных людей, он крикнул клич: “Пусть каждый, у кого есть лошадь, будет готов напасть завтра на лагерь узбекских войск!”

“Если они после этих слов (добавил рассказчик) оседлали своих коней, то непременно сегодня должны придти”.

Едва “язык” успел закончить эти слова, как прибыли дозорные и через приближенных доложили его величеству о том, что вдали показались йомутские войска,двигающиеся в нашу сторону.

Хан тотчас же приказал, чтобы доблестный Рахметулла-ясаулбаши с некоторыми военачальниками выступил на защиту и призвал к порядку этих зарвавшихся мятежников.

Как только некоторые военачальники со своими войсками, по царскому приказу, выступили против врагов, все полчища мятежников, предводительствуемые Ата Мурад-ханом, тотчас же обратились в поспешное бегство по направлению к пустыне и вскоре скрылись из глаз победоносного воинства. Солнце уже скрылось за горизонтом, приближался вечер. Благодаря обилию выпавшего снега, всюду появилась грязь и топи (бутрак), вследствие чего преследование неприятеля могло принести мало пользы. Все военачальники должны были поневоле направиться обратно. Ко времени ужина они все вернулись в лагерь и доложили хану обо всем, что удалось им узнать и увидеть.

В тот же день (стало известно, что) все племя йомутов, во главе с Ходжа Мухаммедом-юзбаши, с некоторого времени проявляет недовольство некоторыми поступками своего начальника Якуба-мехрема. По этой причине часть старшин, во главе с Казакбай-ишаном, направились в высокую (ханскую) ставку, чтобы предъявить свои возражения. Явившиеся (еще до прибытия ишана) чоудорские старшины, во главе с ходжой Мухаммедом-юзбаши, единодушно доложили его величеству об истинном положении вещей и, испросивши (разрешение) его величества, избрали себе в начальники высокопоставленного вельможу Мухаммед Мурада-мехрема. (После этого) они спешно послали от каждого из пяти своих родов³³ по одному человеку в свои аулы с известием о том, что его величество хан, по великой милости своей, удовлетворил-де нашу просьбу и, отстранив Якуб-мехрема, назначил нам в начальники Мухаммед Мурада-мехрема. Пусть-де теперь все оставшиеся (старшины), во главе с Казакбай-ишаном, как можно скорее являются-де к его величеству и бьют ему челом.

После того, как ханская ставка вследствие распутицы пробыла на этом месте четверо суток, в среду последовал высокий приказ о выступлении. Лагерь и ханская ставка (на этот раз) были расположены в Исмёт-багы (“сад Исмета”) ниже Гази-абада.

Вследствие некоторых дел и (связанных с этим) препятствий стоянка в этом месте длилась восемь дней.

В пятницу, на второй день стоянки, явился один юноша из Пишганека с письмом от йомутов и подробно доложил об их положении. Дело это обстояло следующим образом: прежде этот юноша занимался в Хиве сбором топлива и был захвачен и уведен йомутскими аламанщиками. Некоторое время он находился у них в качестве пленника. В то время сын йомута Торе Мергена был захвачен в плен ловким Ходжа Ниязом, Вором, из Гази-абада, и живым доставлен к его величеству во время похода, как об этом уже сообщалось ранее³⁴.

³³ Имеются в виду йомутские роды: ошак, окуз, мешрик, орус-кошчи и кучик.

³⁴ Речь идет о том пленнике, который был захвачен в качестве “языка” (см. выше).

Торе Мерген с давних пор являлся одним из преданных хану людей, служивших его величеству верой и правдой. В надежде на освобождение своего сына (Торе Мерген) взял у аламанчников юношу из Пишганека, помог ему уехать от йомутов, вручил письмо и направил его к хану. Запретив передавать письмо кому бы то ни было, кроме самого хана, он (Торе Мерген) взял с юноши присягу в том, что это письмо будет передано в собственные руки его величества. Подобно выпущенной из клетки птице, юноша в тот же день примчался в ханскую ставку и явился к приближенным (хана). Те стали расспрашивать его о положении дел у йомутов. (Юноша) отвечал им, что все йомуты от больших до малых желают только одного — всей душой исполнять все, что будет приказано его величеством и, если это возможно, заключить мир. Сказал он также, что ему вручено письмо, но что он дал присягу в том, что не передаст его никому, кроме самого хана.

Когда хан услышал об этих словах, он тотчас же приказал, чтобы юношу не трогали, не заставляли его быть клятвопреступником и чтобы он лично передал это письмо в ханские руки. Согласно высочайшему приказу, этот человек собственноручно вручил свое письмо хану. Его величество ознакомился с этим письмом, но всем другим содержание его осталось неизвестным. После этого хан освободил сына Торе Мергена из плена, одел его в золототканый халат и дал ему разрешение отправиться к своим.

На следующий день, приходившийся на субботу, великий и могущественный повелитель мира признал целесообразным и своевременным двинуть свое несметное воинство с этой стоянки и, уповая на помощь божью, направить сокрушительный удар на голову этих бунтовщиков, чтобы рассеять во все стороны это скопище и должным образом наказать их за совершенные ими злодейские поступки и дела.

В то время, когда хан делал эти грозные приготовления, к нему явились все сановники и эмиры города Хивы и всего государства, а также высокопоставленные лица и правители областей, городов и районов и обратились к его величеству со следующей униженной просьбой: “О, государь, повелитель и покровитель своего народа! (Мы просим), чтобы вы передали священные поводья вашего коня в наши униженные руки и не покидали бы сегодня этой стоянки, так как йомутское племя с давних пор находилось в покорности и повиновении и вместе с нами долго и усердно подвизалось на пути усердной службы. Поэтому мы ходатайствуем о прощении совершенных ими проступков и (просим) послать к ним человека с наставлением и предупреждением, чтобы видели они доказательство (нашего миролюбия). В случае если с ними произойдет что-либо, то чтобы они нас (собств. “народ”) в этом не винили. Наша рабская просьба и ходатайство теперь заключаются в том, чтобы вы простили их проступки и прегрешения и разрешили бы нам послать к ним с своей стороны одного благочестивого ишана с письмом, содержащим в себе наставления, предостережения и устрашения. (Это необходимо) для того, чтобы они, увидев это письмо и услышав наставления названного ишана, повесили бы себе на шею сабли и явились смиренно и униженно к вашему величеству с выражением своей полной преданности и покорности. Если же это не достигнет цели, тогда вы, не испытывая никаких забот и оставаясь в покое здесь, пошлите нас с некоторыми своими войсками для уничтожения и истребления этого мятежного племени. Выступив с грозным всепокрушающим войском, мы нанесем мятежникам сокрушительный удар и до тех пор не успокоимся, пока в нашем государстве не останется каких-либо следов этих злодеев”.

Его величество с присущей ему добротой и благосклонностью выслушал и удовлетворил ходатайство эмиров и сановников и, задержавшись в этом укреплении (сенгир), разрешил им (отправку письма). Выразив свою благодарность и признательность, сановники вышли.

Местом (следующего) их собрания явилась ставка (кош) одного из величайших и славнейших сановников государства, Хасан Мурада-кушбеги, родственника хана в шестом поколении. Хасан-кушбеги являлся сыном покойного Шах Нияз-аталыка, сына Искандер-бия, сына Досим-чура-агасы, сына Рустем-инака, сына Бекиджан-инака, сына Умбай-инака, к которому восходит в седьмом поколении и благородная родословная великого государя (Сейид Мухаммеда)³⁵. Избрав (эту ставку) местом своей встречи и собравшись здесь, указанные выше эмиры и сановники устроили общее собрание и стали держать совет. Посовещавшись и все обсудив, они пригласили на свое собрание известного святостью своей жизни в высокими познаниями в делах веры Омар-ишана и написали письмо йомутским старшинам и начальникам.

Скрепив это письмо печатями тридцати четырех лиц из числа вельмож и сановников, они вручили его названному ишану с тем, чтобы тот направился к мятежникам и своими советами и увещаниями призвал их к повиновению и покорности.

С своей стороны, его величество, для сопровождения названного ишана, назначил одного из высокопоставленных своих приближенных Мухаммед Керим-дивана. Прожив большую часть времени среди йомутского народа и будучи хорошо знаком с его нравами и обычаями, он должен был точно и обстоятельно ознакомиться с истинным положением йомутов и узнать их настроения, а затем все лично слышанное и виденное доложить его величеству, ничего не прибавляя и не убавляя.

На следующий день, приходившийся на воскресенье 15-го числа месяца раджаба (понедельник³⁶ 1 марта 1858 г.), указанный ишан, в сопровождении Мухаммед Керим-дивана, отправился с письмом в йомутский курень.

[После обычных приветствий и добрых пожеланий ишанам, улема и всем старшинам, большим и малым, письмо начинается словами:] “Да будет вам известно, что непрерывные притеснения и насилия, совершаемые в эти победные дни некоторыми безумцами из вашей среды, (тяжело) отразились на положении нашего народа. Совершаемые этими вашими аламанщиками грабежи причинили ущерб и разорение несчастным беднякам. По этой причине наш великий и могущественный государь и повелитель, желая облегчить положение населения (фукара) и доставить успокоение всем обездоленным, выступил из столицы и, собрав всю свою артиллерию, нукеров и прочих, прибыл в окрестности Гази-абада. Принимая (однако) во внимание старинную вашу службу народу нашему и ваше подданство (фукаралык), мы все единодушно обратились к своему государю с таким ходатайством. О, государь, повелитель и милостивый покровитель! С давних пор и вплоть до настоящего времени наш народ живет с йомутским народом как брат с братом и даже как сын с отцом, в полном согласии и единении друг с другом, и ничего другого, кроме добра и чести, мы друг от друга не видели. Однако в силу предопределения божия и вследствие того, что некоторые лихие люди не учитывают последствий своих поступков, между двумя (народами) произошли такие дела. Всюду, где существует народ или племя, среди него непременно найдутся лихие люди; но так установлено, что среди каждого народа хороших больше, чем дурных. Среди йомутов также, хотя и есть дурные люди, но (все же) среди них больше людей хороших и крепко стоящих на правильном пути, которые недовольны таким раздором и разорением. Для того, чтобы и на хороших людей не нашло внезапно помрачение, свойственное дурным, мы в случае, если последует разрешение,

³⁵ В первой части хивинской истории (“Фирдаус-уль-икбаль”, ркп. Е 6, лл. 48—496) сообщается, что Умбай-инак являлся современником и сподвижником Абулгази-хана и играл крупную роль в управлении государством. Умер во время царствования Ануша-хана.

³⁶ По поводу дат хивинского календаря В. В. Бартольд уже было отмечено, что дни хивинской недели отстают от обычной недели на один день. См. Кауфманский сборник, М. 1910, стр. 6. Иногда эта разница выражается в двух или даже трех днях.

пошлем с своей стороны одного из благочестивых ишанов с тем, чтобы он обратился (к йомутам) с мирным словом и добрым советом и наставлением, направленным к тому, чтобы ни той ни другой стороне не было причинено какого-либо вреда или ущерба. Государь наш, по проявляемой им доброте и милости к нам, согласился с нашими словами и предоставил нам (просимое) разрешение. Вследствие этого мы и послали к вам высокоученого ишана Омара. Употребите теперь всевозможные усилия и старание, чтобы совершить дело, полезное для вашего народа как на этом, так и на том свете. Знайте, что слезы обездоленных и несчастных — большой грех перед богом в день страшного суда. Вместе с упомянутым ишаном пусть являются к ханскому престолу без всякого страха и опасения все те, кто считается вашим старшинами, для того чтобы, собравшись здесь все вместе, мы могли устроить на будущее время благоденствие своих народов.

Если же вы сошлетесь на то, что покровительство его величества для вас тяжело и неприемлемо, а затем в целях мятежа и вражды соединитесь хорошие с дурными и не явитесь (к хану) вместе с ишаном, то знайте твердо, что мы единодушно намерены в течение года, если будет угодно богу, выступить против вас до тех пор, пока не совершится (над вами) то, что предопределено богом в судный день. Все, что нужно, кроме этого, сказать на словах, мы поручили передать названному ишану, а он по приезде своем расскажет. Знайте по правде, что мы исполнили все, что было необходимо. Не будьте неверчивы к писавшим это дружественное письмо”.

В тот же день вышеупомянутый ишан взял письмо и вместе с названным диваном выехал к йомутам. На следующий день, в понедельник, он благополучно от них вернулся. И к вечеру к его величеству прибыли девять человек (из йомутов) во главе с Джан, кучиком, Баба Кор, окузом, Атлы-баем, из ошаков, Казы-векилем, из орус-кошчи, и Эвезом, из мешриков. Не давая аудиенции приехавшим йомутам, хан в тот же вечер позвал к себе Мухаммед Керим-дивана и наедине расспросил его о положении йомутов. Диван с полной искренностью и правдивостью рассказал следующее: “как только (мы) приехали, все йомутское племя, от больших до малых, все улемы и старшины собрались вместе. Когда (мы) достали письмо, то все собравшиеся, где бы они ни находились, поднялись со своих мест и, взяв (письмо) с величайшим почтением, потеряли его о свои глаза³⁷, совершили молитву и готовы были прослезиться. Опасаясь грозного (хивинского) войска, они собрались все вместе и устроили себе укрепление (сенгир). Не имея возможности выйти за пределы укрепления, они не находят теперь ни дров для очага ни травы для своего скота. Дороговизна хлеба достигла (у них) такой степени, что если бы кто-либо вздумал купить его ценой своей души, то и он, проходивши сто лет по базарам, не нашел бы ни одного зерна³⁸. Голод среди них дошел до того, что о форме хлеба они могут вспоминать только тогда, когда созерцают на небе диск солнца. Они (йомуты) все говорят о том, что боятся (наказания) за свои многочисленные проступки и непослушание, но если бы хан простил-де наши грехи и прислал нам об этом письмо за своей личной благословенной печатью, мы все явимся-де к нему, чтобы преклониться перед его престолом. Это мы считаем-де (единственным) путем к спасению и средством к избавлению. Об этом же говорит и присланная ими просьба”.

Выслушав слова дивана, его величество предался ночному отдыху и покою. На следующий день хан собрал всех знатных вельмож, именитых эмиров и сановников, а затем позвал прибывших йомутских старшин, которые и доложили его величеству содержание привезенного

³⁷ Обычай, сохранявшийся у среднеазиатских народов, как известно, до самого последнего времени.

³⁸ Характерно, что один из агентов хивинского хана, посланный с разведывательными целями к непокорным йомутам, в числе прочих сведений, сообщает своему правительству также точные цены на хлеб в районе восстания. См. мое Описание архива хивинских ханов XIX в. (готов. к печати).

ими письма. Затем хан их допрашивал. Отмечая, они сказали то же самое, что говорил его величеству Мухаммед Керим-диван, ничего не убавив и не прибавив.

При таком положении дел все высокопоставленные сановники, тридцать два должностных лица³⁹, снова обратились к хану с единодушной просьбой о том, чтобы он простил йомутов. (В конце концов) они получили и передали (йомутам) милостивую грамоту, заключающую в себе прощение (их вины). Грамота эта имела следующее содержание.

“Всем (нашим) верноподданным старшинам и всем воинам йомутского народа. Увидевши этот высокий ярлык, (пусть знают), что по получении составленного вами прошения, через Аман-гельды-хана, кучика, Баба Кор окуза, Атлы-бая, ошака, Казы-векиля, орус-кошчи, и Эвеза, мешрика, нам стало известно о том, что в эти благополучные дни вы изъявляете свою неуклонную преданность и покорность и для блага своего народа твердо стоите на пути искренности и доверия. Посовещавшись с состоящими при нас начальствующими лицами и старшинами всех племен, (мы постановили), чтобы старшины и аксакалы всех йомутских племен также явились к нашему престолу и, собравшись здесь все вместе, мы установили бы между обоими нашими народами спокойствие, подобно тому, как было прежде, и заключили бы договор и соглашение, устраняющее всякую враждебность и неприязнь на будущее время. Вследствие этих причин мы послали (к вам) высокоученого Омар-ишана вместе с указанными выше вашими людьми. Если вы от чистого сердца хотите служить (нам) и по-прежнему состоять в подданстве нашем и желаете, чтобы между обоими народами было спокойствие, то немедленно же по приезде указанного ишана, все старшины, от каждого из племен, являйтесь без всякого страха к нам и совместно с находящимися при нас начальствующими лицами, в полном спокойствии, как бывало прежде, обсудите (свои дела), воссылая молитвы за (благополучие) вечного государства (Хивы). В этом и составлен (настоящий) высокий ярлык”.

После того как прибывшие от йомутов люди получили ярлык, они в этот же день, т. е. во вторник, отправились к себе в сопровождении Омар-ишана и Мухаммед Керим-дивана. Всех йомутских начальников и должностных лиц (мухрдар), во главе с бахши и векилями, они должны были направить на истинный путь покорности и подчинения его величеству.

Выполняя неуклонный царский приказ, (посланные) быстро приехали к йомутам. Сразу же по получении ханского ярлыка среди встревоженных йомутов наступило спокойствие. На третий день, т. е. в воскресенье, к хану прибыли вместе с ишаном все высокопоставленные и должностные лица (йомутов) во главе с бахши и векилями и перед лицом его величества выразили свою полную покорность и подчинение.

Великий государь, заботящийся о благе народа, по своей великой милости допустил к себе старшин (кедхуда) и уполномоченных (мутевелли) пяти йомутских родов⁴⁰ и благосклонно расспросил их об их положении. Отвечая, они сказали ему: “Кроме раскаяния и униженной просьбы о прощении у нас никаких других слов нет. Ум бессилён исчислить совершенные нами бесчисленные грехи и преступления, число которых превосходит всякую меру и счет. Если же вашему величеству (все же) угодно будет отпустить наши тяжкие грехи и оказать нам свою царскую милость, тогда мы весь остаток нашей жизни посвятим усердной самоотверженной службе вашему величеству и будем всецело и неуклонно повиноваться вам. В случае же, если вам будет не угодно оказать нам доверие, принять наши извинения и простить наши преступления и проступки и если вы выступите на нас с вашим бесчисленным победоносным войском, то нам предстоит или быть целиком истребленными, или переселиться

³⁹ В тексте: “отуз эки амальдар”. О происхождении 32 должностей в Хиве см. прим. 1-е на стр. 328 к переводу Фирдаус-уль-икбаль. Можно отметить, что некоторые исследователи с числом 32 соединяют понятие о 32 основных ремеслах в среднеазиатском городе. Ср. А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Ташкент, 1929, стр. 7 (там же литература).

⁴⁰ См. прим. на стр. 585.

со своей родины. И в том и в другом случае государству будет нанесен ущерб, а пользы никакой не будет, так как мы с своим народом являемся с давних пор чистосердечными и преданными слугами (чакир ве нукер)⁴¹ царского престола. В каком бы положении мы ни оказались, мы этой службе все же не избегаем” (стихи).

После того, как йомуты кончили свою речь, они, по знаку его величества, вышли. Хасан Мурад-кушбеги, являвшийся самым высокопоставленным среди всех сановников государства и всячески стремившийся к тому, чтобы добиться прощения виновных, примирить враждующие стороны и внести успокоение в среду народа, обратился теперь от имени всех улема и эмиров к его величеству со своим заступничеством за виновных йомутов и употребил всевозможные усилия для того, чтобы достигнуть примирения с ними.

По свойственной его величеству доброте и милости, хан простил йомутам все их провинности и, уважив просьбу своих сановников, дал свое разрешение на заключение мира.

Выразив от имени всех эмиров свою признательность, кушбеги вышел от хана, после чего в присутствии всех улема, казиев, эмиров, правителей и тридцати двух должностных лиц сказал:

“Великий государь, по свойственной ему великой милости, удовлетворил нашу просьбу и дал свое разрешение на заключение мира. Он приказал (также), чтобы йомуты, чоудоры, имрели, карадашлы, али-эли, ата, гоклены, казахи, кара-калпаки, узбеки, сарты и все прочие народы и племена произвели бы обмен пленными, в том случае, если таковые у них имеются. Необходимо также, чтобы в дальнейшем эти народы жили так, как живут отец и сын или брат с братом и не совершали бы посягательств на чужое имущество. Если же какое-либо из племен будет противиться этому, то все прочие племена должны объединиться вместе, для того чтобы предать поголовному избиению виновных и разграбить их имущество”.

Все государственные сановники отнеслись с полным одобрением и сочувствием к этим словам, вслед за чем они все поднялись со своих мест, выражая свое уважение и почтительность (к словам хана). Здесь же они, в соответствии с приказом его величества и по общему согласию друг с другом, составили договор и соглашение, после чего высокого (ханского) дивана высокообразованный дамулла Назар Махзум написал его изящным слогом и придал ему красивое содержание.

[Большая часть текста договора посвящена обычному славословию аллаха и его посланника, а также рассуждениям о высоком значении ханской власти и необходимости подчинения ей. Конкретные обязательства, которые принимаются на себя всеми участниками этой своеобразной конвенции, формулируются в договоре следующим образом:⁴²]

“Предавая забвению все происходившие ранее между нами недоразумения и отказываясь от исков и взаимных претензий по ним, мы обязуемся впредь ничего не отнимать друг у друга и не производить никаких незаконных убийств. Если же кто-либо из упомянутых выше племен⁴³ не исполнит данного ими обещания и нарушит настоящее обязательство тем, что проявит к кому-либо вражду, вызовет раздоры и кровопролитие или возымеет намерение завладеть чужим имуществом или будет считать для себя дозволенным пролитие мусульманской крови, то пусть будет достоин участи, предназначенной богом для всех нарушителей его предписаний. Если же кто-либо из числа поименованных племен нарушит данное им обязательство тем, что не подчинится приказаниям ханской власти и подымет возмущение, наше единодушное решение таково, чтобы всем сообща выступить против такого преступника и возмутителя и употребить все усилия к его усмирению. Пролитие крови и (разграбление)

⁴¹ Чакир — термин домусульманского происхождения. О нем см. В.В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 36—37. Данный термин, по-видимому, имел распространение и в Бухаре в XVI в., так, он встречается в Истории бухарского хана Абдуллы (1583—1598 г.) (см. Абдулла-намэ, соч. Хафизы Таныша ркп. ИВ АН, Д 90, л. 4366).

⁴² Подписание договора состоялось в четверг 19 раджаба 1274 г. х. (пятница 5 марта 1858 г.).

⁴³ См. выше.

имущества того, кто явится противником этого договора, мы считаем дозволенным (халяль). Идя по пути единодушия, мы и составили настоящий договор, скрепив его для большей прочности своими печатями”.

Когда эмиры племен написали этот договор и скрепили его своими печатями, они передали его ханским казначеям. (Вслед за этим) хан отпустил бесчисленные войска казахских племен адай и табын, которые прибыли по его приказу с берегов р. Яика и расположились лагерем у Куня Ургенча для войны с йомутами, во главе с Азим Ишан-бием, Ишат-бием⁴⁴ и Дауд-бием.

Разослав ярлыки, оповещающие о примирении с йомутами, покончив с беспокойством, (связанным) с военными приготовлениями и пробыв еще одну ночь на той же остановке (т. е. у Куяк-тама), хан на следующий день, именно в пятницу 20-го числа указанного месяца (6 марта 1858 г.), разрешил своим войскам отправиться обратно, (после чего) он сам около времени завтрака (чашт чагы) также поспешно выступил в обратный путь. В тот же день после полудня он прибыл в свою столицу Хиву на радость ее жителям.

[Описывая события, происходившие в течение месяца ша'бана 1274 г. х. (17 марта — 14 апреля 1858 г.), автор сообщает следующее:]

Когда племя теке бежало от нападения иранских войск⁴⁵, оно через Серахскую область перекочевало в Мервскую область (мемлекет) и здесь поселилось на жительство.

Желая отдать себя под покровительство и защиту его величества, все их старшины во главе с Коушут-ханом⁴⁶ послали к (хивинскому) двору заявление с просьбой о том, чтобы один из ханских приближенных был назначен к ним правителем (хаким). Удовлетворив их просьбу, хан назначил к ним одного из высокопоставленных своих придворных муллу Мухаммед-дивана. Одарив золочеными ножами и златотканными одеждами текинских старшин, во главе с Коушут-ханом, и присоединив к ним (назначенного), хан в конце месяца ша'бана (около 14 апреля) отправил их со своей ласковой грамотой в Мерв⁴⁷.

[Описывая отложение от Хивы Кунграда в середине месяца раби I 1276 г. х. (24 октября 1858 г.) и действия избранного повстанцами хана Мухаммеда Фена, автор сообщает:]

В помощь себе он (Мухаммед Фена) пригласил много йомутов, часть которых он назначил на различные должности, разделив с ними дело управления (Кунградом). Он (Мухаммед Фена) для их (йомутов) содержания и продовольствия (вазифе ве алуфе) ежедневно выдавал им много скота (мал) и денег (накд)⁴⁸. Вез всякой вины он убивал честных старшин, а дочерей их выдавал за йомутов. Отбирая деньги, и скот у трудового населения (фукара) и богатых людей (ахль-игана), он отдавал все это йомутам. Этих людей он посылал в разные стороны, чтобы учинять грабежи среди живущих здесь казахов, каракалпаков и прочих мусульман и совершать всюду

⁴⁴ По-видимому, по-казахски Исет-бий.

⁴⁵ В предыдущем изложении об этом факте не упоминалось. Речь идет, по-видимому, об одном из эпизодов борьбы между теке и иранцами на астрабадской границе и под Мервом, о которых более подробно сообщают также иранские источники. Более подробное изложение этого эпизода дается Агехи на лл. 223а—225а данного сочинения. См. также повествование иранских историков об этих событиях (стр. 279 прим.).

⁴⁶ О Коушут-хане со ссылкой на хивинские хроники см. Бартольд, Очерк истории etc., стр. 67.

⁴⁷ Далее рассказывается о возвращении Фазиль-ходжи, шейх-уль-ислама, ездившего в качестве посла в Россию, а также о прибытии из России посольства (полк. Игнатьева). О личности Фазиль-ходжи и его путешествии в Петербург см. Н. Залесов. Посольство в Хиву и Бухару полк. Игнатьева в 1858 г. Русский Вестник, 1871, февраль, стр. 421—424.

⁴⁸ По этому поводу один из современников описываемого события пишет следующее; “Не имея никакой казны, чтобы платить жалованье своим союзникам, Мухаммед Фена распределил их по домам или кибиткам жителей, которые были обязаны выдавать по раскладке каждому туркменскому всаднику по две серебряные тенге (30 коп, сер.) в день и по столько же на лошадь. Как ни разорителен подобный налог, тяжесть его усугублялась злоупотреблениями: придет напр. в Кунград туркменский старшина или батырь с 50 или 70 человеками, и объявляет Мухаммеду Фена, что привел 150 или 200 всадников и требует на них жалованья”. . . А. Бутаков. Эпизод из современной истории Ср. Азии. Отечеств. Записки, 1865, ноябрь, стр. 108. Попутно следует отметить, что слова Бутакова в части характеристики восстания Мухаммеда Фена совпадают с рассказом Агехи даже во многих деталях.

насилия и притеснения. По этой причине все (каракалпакские) и казахские племена собирались в разных местах, вместе рыли вокруг себя окопы (хандак), строили крепости и жили все куренями⁴⁹.

[Указав таким образом, насколько важную роль играли йомуты в деле укрепления и поддержания власти Мухаммеда Фена в Кунграде, автор на следующих страницах своего труда сообщает ряд дальнейших подробностей, из которых видно, что йомуты являлись по существу хозяевами положения в Кунграде, имея здесь неограниченную власть над жизнью и имуществом его населения (). Йомуты же явились и главными защитниками Кунграда против посылавшихся против него хивинских отрядов.]

В пятницу 6-го числа месяца раби II (1276 г. х. — суббота, 13 ноября 1858 г.) в Хорезм прибыло из Хорасана племя гокленов. Подробности этого события таковы: Ранее⁵⁰ уже сообщалось, что когда его величество (Сейид Мухаммед) с божьей помощью воссел на царский престол, племя гокленов, вследствие некоторых совершенных им преступлений, испугалось ханского гнева и, будучи не в состоянии остаться в Хорезме, поспешно ушло со своих мест со всем своим народом и имуществом. После (длительного) пути беглецы расположились в местности, которая носит название Карры-кала и находится в горах вблизи Ахальского округа Хорасанской области. Соединившись с народом (халк) теке, они с большими трудностями начали здесь жить.

Когда происходила вражда между кызылбашами Курдистана и теке, гоклены были на стороне теке. По этой причине кызылбаша, выступая со своими войсками против теке, особенно часто приходили к гокленам и производили среди них убийства и грабежи и совершали на них нападения.

Не будучи в состоянии свободно заниматься сельским хозяйством и неся кару за свою неверность (Хиве), они (гоклены) оказались в весьма трудных условиях, а большинство их было даже на краю гибели.

В течение трех лет они существовали только тем, что распродавали все свое имущество и детей и несмотря на это голод истощил все их силы. Они стали постоянно сокрушаться и тосковать о благодатном климате и удобствах жизни Хорезма.

В конце концов, под давлением крайней нужды и необходимости, они вынуждены были преодолеть стыд и обратились с просьбой об извинении и о позволении им снова вернуться в Хорезм, чтобы здесь под защитой его величества найти себе успокоение. (С этой целью) они послали на поклон к хану группу своих высокопоставленных лиц. Когда (посланные) явились и изложили перед ханом просьбу своего народа, его величество по необычайной своей доброте и милости сжалился над ними, простил их вину и, удовлетворяя их просьбу, написал к ним милостивую грамоту, с которой и отправил посланных обратно. Как только гоклены увидели это милостивое письмо, они сразу все ожили и, необычайно довольные, собравши все свои силы и с трудом — кто пеший, кто конный, — немедленно выступили к желанной для них цели (в Хорезм).

Пройдя значительное расстояние, они в указанный выше день прибыли в Хорезм, где, по указанию хана, чиновники (навваб и уммаль) отвели им для поселения земли в Ташаузе.

[Рассказывая о походе Сейид Махмуда-торе против Кунграда в месяце джумади I 1276 г. х. (7 декабря—5 января 1859 г.), автор, между прочим, сообщает, что на пути между городами Хытай и Мангыт царевич должен был задержаться на девять дней, по причине того, что “разбойники из племени чоудоров” напали перед тем на хивинское население, жившее по

⁴⁹ Подробнее об этом см. Труды Инст. востоков., т. VII, стр. 141 и сл., а также цитиров. соч. А. Бутакова, стр. 105 и сл.

⁵⁰ См. стр. 580 перевода, а также прим. Приводимые ниже эпизоды дальнейшей борьбы между туркменами и иранцами описаны также иранскими авторами. См. “Матля-уш-шамс”, стр. 272, 276 и сл.

берегам (Аму-дарьи), захватили насильственным путем некоторое его имущество и скот и увезли все это в свои аулы (оба).]

Царевич (Сейнд Махмуд) послал к этому племени своего ясаула (с распоряжением), чтобы старшины собрали всюду все изъятое у (хивинского) населения имущество и скорей бы его доставили, ничего не оставляя у себя для того, чтобы его можно было передать хозяевам.

В случае же, если они будут уклоняться от выполнения этого требования, он (Сейид Махмуд) выступит против них с войсками и накажет их.

Когда ясаул доставил старшинам этот приказ, они, испугавшись гнева царевича, тотчас же поспешили исполнить его распоряжение и стали требовать возвращения упомянутого выше имущества.

В скором времени они собрали все имущество, а затем вместе со своими нукерами явились к царевичу и выразили ему свою преданность. Привезенное имущество они вручили ханским приближенным, прося прощения тем мятежникам, которые совершили это преступление. Царевич исполнил их просьбу.

[На лл. 174а—175а, между прочим, сообщается, что во время стычки, происходившей между хивинским отрядом и действовавшими на стороне кунградцев йомутами, был убит Берды-Инглис⁵¹, “являвшийся не только главою мятежников, но и полновластным распорядителем в делах гарнизона крепости”. По этой причине голова Берды-Инглиса была послана хану.]

[В том же 1275 г. х., в месяце зуль-ка'да (июнь 1859 г.), хан лично выступил в поход против кунградцев. Когда хан совершил свою первую остановку в селении Джанык-шейх, испугавшиеся йомуты (прислали) на эту стоянку пятерых из своих должностных (мухрдар) и доверенных лиц во главе с уважаемым старшиной Хасан-беком, (а также) бахши и векилями, которые доложили хану следующее:)] “Народ наш приносит раскаяние в прежнем своем непослушании и своеволии и теперь имеет желание служить вам верой и правдой. Проявите к нам свою благосклонность и отправьте вместе с нами почтенного кушбеги Хасан Мурада для того, чтобы мы могли пойти против йомутов, живущих в Хан-абаде, среди которых некоторые глупцы и головорезы, вследствие подстрекательств со стороны Ата Мурад-хана, ходят в Кунград, где они оказывают помощь и поддержку бунтовщику Мухаммед Фена-хану⁵². Мы накажем их соответствующим образом за их поступки, а затем, присоединивши к себе всех их всадников, направимся с ними через Куныя Ургенч на Ат-йолы (“Лошадиной дороге”), пройдя по которой, совершим нападение на окрестности Кунграда, чем окажем услугу (хивинским войскам), а затем, когда ставка вашего величества будет перенесена к Кунграду, мы там присоединимся к вам и будем служить (в ваших войсках)”.

Хотя его величество по опыту знал, что это неверное племя не стоит на данном им слове и не исполняет своих обещаний, однако, в силу обстоятельств времени, он не стал отклонять их домогательств и огорчать их, (а потому), согласившись на их просьбу, он назначил им, в качестве начальников, Хасан Мурада-кушбеги, Артук-бия и Рахметуллу-ясаулбаши и разрешил им выступить против йомутов.

[Далее сообщается, что хан выступил с этой стоянки и двинулся с войсками по направлению к Шах-абаду (Шабат), Гурлену и Ходжа-эли (Ход-жейли). Когда хан остановился здесь на берегу канала Бек-яб], из Куныя Ургенча прибыл Шукур-берды-шейх и сообщил о том, что преступные йомуты не сдержали данного ими (хану) обещания, совершили нападение на верблюдов (обоз) кушбеги и ушли, так что в распоряжении кушбеги не осталось ни одного человека из йомутов.

⁵¹ О нем упоминалось выше (см. стр. 577).

⁵² Более подробные данные о взаимоотношениях между Ата Мурад-ханом и Мухаммедом Фена см. цит. соч. А. Бутакова, стр. 106 и сл.

Объяснение этому событию следующее: когда Хасан Мурад-кушбеги, Рахметулла-ясаулбаши и Артук-бий, по приказу хана, выехали из селения Джанык-шейх и направились, совместно с йомутскими старшинами, для того, чтобы собрать войска этого народа, они (в тот же день) достигли Газн-абада (Хазавата). На следующий день они прибыли в Бедркент, где остановились в доме Назар-векиля. Совершив на другой день утром поклонение мазару святого Махмуд-ата, они остановились затем в доме онбеги. Проведя здесь двое суток, они на третий день остановились на отдых в доме Сары-сердара в Измухшире.

Да будет известно, что (хотя) на каждой остановке со стороны йомутов было проявлено непослушание, воровские поступки и предосудительные действия, однако кушбеги, в силу обстоятельств времени, не обращал на них внимания. На следующий день он (кушбеги) остановился у икдыра Акы Палвана на юго-западной стороне крепости Хиляли (Ильялы).

В этот день все знатные лица йомутов собрались все вместе у кушбеги и присягой и клятвой заверили его в том, что с этого дня они вырвали из своего сердца всякую ненависть и вражду и теперь будут чистосердечно служить его величеству. На этом же собрании они написали письмо на имя старшин тех йомутов, которые жили в Гази-абаде и, приложив свои печати, отправили его, (сообщая следующее): “Раскаившись во всех своих преступлениях и признав необходимым с своей стороны повинование государю, защитнику ислама, мы все единодушно решили верно служить ему. Если вы являетесь нашими родственниками и если вы рассчитываете жить совместно с нами, тогда присоединяйтесь к нам и приходите на службу, дабы посредством своей службы искупить свои преступления и заслужить себе прощение и милость со стороны государя”.

После этого события кушбеги-бек и ясаулбаши, совместно с собранными (йомутскими) войсками, направились в местность Кафче-камар, около Ильялы, и здесь на день остановились. На следующий день они двинулись дальше и остановились затем среди племени карадашлы, живущего в данной крепости (Ильялы). В понедельник 14-го числа месяца зуль-ка’да (среда 15 июня 1859 г.) они прибыли в Старый Ургенч и расположились лагерем около города у мазара святого Наджм-уд-дина Кубра.

На третий день, приходившийся на среду, все старшины ханабадских йомутов, предводительствуемые Ора-ишаном, явились к кушбеги-беку и долгое время спорили и рассуждали с ним по поводу требуемой им воды.

В четверг, по совету кушбеги, все они единодушно написали свое заявление с просьбой о воде, приложили к нему свои печати и уже собирались послать его с Адина Али-ханом, Назар-векилем и Билим-аталыком к высочайшему двору, но тут возникла суматоха.

Причина этой суматохи заключалась в том, что злодеи из йомутских аламанов, пренебрегая здравым смыслом и забывши всякую благодарность, произвели нападение на верблюдов кушбеги-бека и всех их отогнали. Взяв (кроме того) в плен двух — трех мальчиков (оглан) у жителей Куня Ургенча и нанеся одному человеку тяжелую рану, они направились к своим аулам (оба).

После этого случая все предводители и старшины туркменских племен с раздражением и вызовом сказали кушбеги-беку: “Если ты хорошо одаришь нас и будешь давать каждому (йомутскому), всаднику конук⁵³ в размере двух тенге ежедневно, мы снова соберем и доставим (сюда) воинов племен. Если же ты не согласен на это — мы тебе не слуги”.

⁵³ В словаре Радлова (т. II, стр. 540) для слова *** дается только одно значение — “гость”. В этом смысле *** может быть сближен с известным термином коналга или конарга, происходящим от того же корня и обозначающим в старых ярлыках “постой”, “ночлег” (повинность по содержанию войск). В другом месте настоящего сочинения Агехи употребляет выражение *** (л. 243а), конкретное содержание которого в хивинских условиях достаточно четко вскрывается цитировавшимися выше словами А. А. Бутакова о “системе” продовольствия туркменских войск в Кунграде (см. прим. 2 к стр. 594 данного перевода). Из документов архива хивинских ханов можно установить, что конук’ом в Хиве называлось

С этими словами они ушли от кушбеги и двинулись затем со своими кошами по своим местам, принимая таким образом на себя вину за все происшедшее (стихи).

После этого возмутительного происшествия кушбеги, приняв меры предусмотрительности, перебрался со своим кошем в крепость Куня Ургенча. Отсюда он написал донесение о происшедшем случае и отправил с Шукур-берды-шейхом к хану.

Отправившись на противоположный берег реки, где находился (в это время) хан, Шукур-берды-шейх доставил это донесение его величеству, как это и было уже выше сообщено.

По соображениям благоразумия и предосторожности, хан не дал распространиться этой печальной вести среди войск своего лагеря.

Что касается кушбеги, то хан предложил ему оставаться с находящимися при нем войсками в Куня Ургенче до тех пор, пока он (хан) не возвратится из Кунграда. Вручив это письмо Шукур-берды-шейху, хан с этой (же) остановки отправил его обратно, а сам двинулся со своими войсками дальше⁵⁴.

[Далее следует подробное описание совершенного ханом похода на Кунград, в числе защитников которого упоминаются также йомуты. На стороне хивинских войск, действовавших против Кунграда, упоминаются гоклены и чоудоры.]

О том, как (некоторые) эмиры отправились по приказу хана в местность Темач и построили там крепость, а затем, назначив туда гарнизон, возвратились обратно

Вследствие того, что йомуты, собирались иногда в большие шайки и совершали набеги на различные части богохранимого государства (Хорезма), чиня насилия над его населением и расхищая имущество жителей, его величество признал совершенно необходимым и наиболее неотложным делом внести успокоение в народ и наказать мятежников.

Посоветовавшись о подробностях этого дела с сановниками государства, он решил, в целях обуздания мятежников и нападения на их войска и укрепления, построить вблизи занимаемой ими территории крепость и поставить в ней (хивинский) гарнизон, чтобы таким путем лишить мятежников возможности выходить из своих укреплений и обеспечить безопасность населению и (всем) проезжающим.

После того, как это решение было принято и одобрено всеми вельможами, ханом был издан приказ о том, чтобы Шах Мурад-инак, Ибадулла-инак, Яхши Мухаммед-даруга, Абдулла-мингбашн, Рахметулла-ясаулбаши, Якуб-мехрем, Абдулла-серхенг, Мухаммед Нияз-диванбеги и другие отправились бы все вместе и построили в подходящем месте крепость.

В понедельник 22-го числа месяца зуль-ка'да (вторник 23 июня 1859 г.) назначенные выступили с своими войсками и, облюбовав единодушно местность Темач, по ту сторону г. Гази-абада (Хазавата), вблизи расположения войск мятежников, занялись здесь постройкой крепости (хисар) и копанием ровов (хандак). Через три-четыре дня они выстроили (настолько) высокую крепость, что вершина небесного свода была ниже ее стен (хакриз), а ров был настолько глубок, что касался спины того кита, на котором держится земной шар.

Когда постройка крепости была окончена, все вышеупомянутые начальствующие лица, для того чтобы обуздать мятежников, согласно ханскому приказу, избрали и назначили сюда одного из военачальников Абд-ур-Рахман-серхенга, вместе с некоторыми числом пеших и конных воинов с двумя пушками. Сами они после этого отправились обратно и явились к хану.

вообще жалование туркменским всадникам (атлы), состоящим на ханской службе. О размерах этого жалования можно судить по следующим данным, — относящимся к 1272 (1855) г : ста пятидесяти всадникам на три дня выдано “на конук” (***) 45 тилля; или: шести всадникам на двадцать дней выдано 20 тилля.

⁵⁴ На л. 205а сообщается, что кушбеги прибыл из Куня Ургенча и присоединился к хану, когда тот в первых числах месяца зуль-хиджа (начало июля 1859 г.) возвращался из похода обратно в Хиву.

Находясь в течение известного времени в крепости, Абд-ур-Рахман-серхенг непрерывно беспокоил мятежников своими набегами.

О том, как явились к его величеству йомутские предводители, смиренно выражая раскаяние в совершенных поступках, и как хан простил их вину, взявши у них заложников

Когда хан совершал свой поход на Кунград, к нему явились на службу йомутские предводители, которые дали обещание идти (с ханом) на Кунград и просили себе в начальники Хасан Мурада-кушбеги. Приведя (Хасан Мурада) в Куны Ургенч, они не выполнили своего обещания и, позволив себе некоторые предосудительные действия, разошлись от кушбеги в разные стороны. После этого они от великого стыда не смели являться к хану и, боясь его царского гнева, направились со своими аулами (оба) в некоторые защищенные места и стали там жить в построенных ими укреплениях (сенгир).

Чтобы стеснить их положение, хан приказал не допускать мятежников на базары (хивинского) государства, а также не продавать никому из них хлеба и другого продовольствия. Согласно высочайшему приказу, была прекращена торговля с мятежниками и продажа им на всех базарах (хивинских) городов и селений; мало того, грабили и убивали всякого из них (йомутов), кто появлялся на базаре. Кроме того, по распоряжению хана, была построена плотина на Гази-абадском канале недалеко от г. Гази-абада, благодаря чему пропуск воды на пашни йомутов был прекращен.

Вскоре после этого цены на хлеб у этого несчастного народа возросли до такой степени, что пшеницу нельзя было купить ни за какие деньги, и люди стали гибнуть от голода (стихи).

Не находя в конце концов иного выхода, как только изъявить свою покорность хану, все известные старшины этого племени явились к его величеству и, принося раскаяние в совершенных ими проступках, униженно заявили о своей готовности верно и самоотверженно служить ему.

Давши обязательство относительно своей покорности и службы, они не отказывались (также) подкрепить свое обещание выдачей заложников (ак-уйлю) и просили отправить с ними ишана Омара и Рахметуллу-ясаул-баши для того, чтобы те направились к йомутам с радостной вестью о прощении и оказанной им ханской милости и взяли бы по своему желанию то или иное число заложников из знатных и известных лиц.

По необычайной своей доброте и милости, его величество согласился простить их (йомутов) вину и, удовлетворяя просьбу старшин, присоединил к ним названных выше ишана и ясаулбаши, и в середине месяца мухаррема (середина июля 1859 г.) разрешил им отправиться.

Как только (посланные) прибыли к ожидавшим их йомутам и сообщили им радостную весть, те сразу ожили и, оказав (послам) всяческий почет и уважение, собрали требуемое число заложников и послали их с несколькими старшинами ко двору.

Вместе с названными выше ишаном и ясаулбаши (старшины) явились в понедельник 3 числа месяца сафара (1 августа 1859 г.) к хану и с должным почтением представили ему заложников, выражая свою покорность и преданность.

По милости и доброте своей его величество разрешил пустить воду на их (йомутов) пашни и позволил им покупать хлеб на (хивинских) базарах, спасши, таким образом, этот народ от голодной смерти.

После этого хан отпустил посланных обратно (стихи).

О том, как явилось в Мервскую страну кадjarское войско и как оно потерпело поражение в войне с теке⁵⁵

Причины данного события заключались в следующем: одно из поколений племени теке, жившее в течение нескольких лет в области Серахса, поссорилось, вследствие религиозных разногласий, с племенем кадjarов и стало совершать набеги на жившее в горах шиитское население. Предав смерти и забравши в плен множество людей, они (теке) разрушили (тамошние) крепости и опустошили страну.

По этой причине кадjarское войско несколько раз приходило в Серахс, воевало с теке, осаждало (их) крепость (Серахс) и опустошало их поля и посевы.

Испытывая вследствие этого необычайные трудности и не будучи в состоянии удержаться в Серахсе, это племя (теке) около трех лет тому назад со всем своим имуществом, чадами и домочадцами переселилось в Мерв⁵⁶.

Старшины этого племени, во главе со своим начальником Коушут-ханом, направили в Хорезм к его величеству группу старшин с просьбой о предоставлении им земли в Мерве и назначении им правителя, который установил бы среди них порядок и устроил бы их дела.

Забываясь о благе народа, его величество выдал ярлык на управление одному из славных своих приближенных мулле Мухаммеду⁵⁷, которого и отправил (в Мерв) со старшинами; Коушут-хану его величество пожаловал златотканый халат и украшенный золотом кинжал, а прибывших старшин также одарил одеждами. Однако племя сарыков, жившее с давних пор в Мервском вилайете, вступило во враждебные отношения с теке, на почве распределения земли.

В течение некоторого времени между ними продолжалась война и происходили столкновения.

Будучи, наконец, побеждены и разбиты, они (сарыки) откочевали из Мервского района и, находясь в бедственном положении, рассеялись по окрестным странам. Старшины этого племени (эль) единодушно направились к правителю (вали) Ирана Насир-уд-дин-шаху, кадjarу, и принесли ему жалобу на притеснения и насилия со стороны теке. Отдавая себя под его (шаха) защиту, они просили оказать им поддержку и помощь.

Насир-уд-дин-шах еще до того имел решение наказать теке, так что жалоба сарыков (только) подкрепляла его намерение.

Шах приказал набрать из племени кадjarов и прочего населения (улус) Ирака, Азербайджана, Ирана и Хорасана 25 тысяч сарбазов и пеших⁵⁸, 10 тысяч конных, и 2 тысячи мастеров, ремесленников и торговцев⁵⁹. Через некоторое время (войска), благодаря употребленным стараниям, явились с разных концов (государства) и собрались в назначенном (для них) лагере.

После того, как войска были собраны, командование ими (шах) поручил дяде своему Хамза-мирзе, совместно с одним из высших сановников — Кавам-уд-довле⁶⁰ и, снабдив их тридцатью пушками и бесчисленным количеством снаряжения, направил их в сторону Мерва. В

⁵⁵ Заглавие сокращено.

⁵⁶ Об этом сообщалось выше (см. стр. 593 перевода и прим. 3).

⁵⁷ Из предыдущего упоминания видно, что мулла Мухаммед носил звание дивана.

⁵⁸ В тексте (***) Точная разница между этими терминами из текста не выясняется. По хивинской терминологии данного времени под “сарбазами” разумелись “пехотные солдаты из персиян”, однако данное толкование слова вряд ли применимо в данном случае. Возможно, что автор подчеркивает здесь различие между регулярной и иррегулярной иранской пехотой.

⁵⁹ По старой терминологии эти лагерные торговцы носили название “ордубазар”.

⁶⁰ Имя автор не указывает. Об этом же событии рассказывают и иранские авторы, ссылки на которых см. выше, стр. 279 прим.

месяце шаввале указанного выше, т. е. 1277 г. х. (с 12 апреля по 10 мая 1861 г.) все многочисленное войско кадjarов вступило в Мервский вилайет.

Теке со всем своим имуществом, женами и детьми вышли из крепости (Мерва), переправились (на правый берег) Мервской реки (Мургаба), выкопали здесь в местности Кара-яб укрепление (сенгир) и поместили в нем своих близких, а сами занялись приготовлением к войне.

Войска кадjarов разделились на две части: одна половина их заняла Мервскую крепость, а другая подошла к местности Кара-яб и здесь расположилась лагерем.

Что касается отважных наездников теке, то они стали дружно нападать на (иранских) сборщиков топлива и фуража, работавших в окрестностях кадjarского укрепления, убивая и забирая их в плен. (Кроме того), они отрезали дороги, по которым доставлялось иранцам продовольствие. Положение кадjarского войска стало стесненным, так как они (начали) испытывать бедствие голода. Так, без боев и столкновений, прошло четыре месяца. На пятый месяц, именно в начале месяца раби I (1278 г. х. — начало сентября 1861 г.), кадjarское войско, уже давно находившееся в походе и испытывавшее недостатки в продовольствии, решилось, наконец, вступить в сражение с теке; выйдя полностью из крепости и укрепления, оно построилось в ряды с западной стороны крепости, на южном берегу реки, и приготовилось вступить в битву.

Как только заметили это воины теке, всегда стремившиеся к воинским подвигам и привыкшие рисковать своей жизнью, они стремительно переправились через реку и, выстроившись в боевой порядок с западной стороны от кадjarских колонн, выступили против неприятеля.

Обе стороны вступили в битву, в которой погибло много тех и других. Целые реки крови потекли по полю сражения. Один важный генерал из войска врагов (иранцев) умер. Так закончился день. Войска обеих сторон покинули поле сражения и расположились на отдых в своих укреплениях.

На четвертый день сражения кадjarское войско со всеми своими пушками вышло из своего укрепления, чтобы добыть себе топлива и фуража. Узнав об этом, воины теке бросились отважно на вражеское войско; убив много людей, они завладели двумя пушками.

Через три дня после того, как совершилось это событие, все войска кадjarов и вся неверная рать стали испытывать страх и, не признавая возможным находиться в местности Кара-яб, они вошли в крепость, полагая, что, соединившись все вместе, они улучшат этим свое положение. Опасаясь нападения со стороны теке, они не стали однако переходить днем; лишь вечером, после намаза “хуфтан”, они открыли стрельбу из пушек и двинулись в крепость.

Когда об этом стало известно теке, они все, во главе с муллою Мухаммедом, — кто конный, кто пеший, включая женщин и детей, вооруженных дубинами (“сурук”) и палками, выступили на поле сражения. Переправившись быстро через реку, они, несмотря на ночную темноту, начали избивать (иранцев) своими мечами.

Кадjarское войско в свою очередь также выступило против теке, завязав с ними сражение. Хотя доблесть и мужество, проявленные кадjarскими воинами в этом бою, были исключительны и превосходили пределы возможного, однако, в силу особого счастья, покровительствовавшего его величеству и его могущественной державе (Хорезму), храбрецы теке смогли одержать победу даже над таким сильным вражеским войском. Бесчисленные кадjarские войска были побеждены и разбиты.

Очутившись в крайне тяжелом положении и бросая снаряжение, палатки, артиллерию, арсенал и казну, они (иранцы) обратились в бегство, рассеявшись в темноте и в растерянности не зная, куда им бежать.

Большая часть их ушла в пески, по направлению к Серахсу. Однако не прошли они и одного перехода, как начали падать в степи в изнеможении от одолевавших их жажды и голода.

Что касается теке, то все они, от больших до малых, включая женщин и детей, в этот день занимались тем, что усердно ловили и забирали в плен толпы неверных. Преследуя рассеявшихся всюду (иранцев), они забирали оружие и припасы у тех, кто был уже мертв, а тех, кто был еще жив кормили и поили, а затем как баранов толпами сгоняли (к себе).

Из общего числа 27 тысяч иранского войска вместе с родственниками часть погибла в сражении от меча храбрецов теке, часть умерла в пустыне от жажды, большая же часть была забрана в плен. Таким образом, никому из них не удалось спастись от гибели (и плена), за исключением каких-нибудь 5—10 человек.

Однако, Хамза-мирза, каввам-уд-довле и главные военные начальники с частью конницы не направились в пески, а бежали (вверх) по берегу Мервской реки. Находясь в крайней растерянности, они рассеялись на отдельные группы, каждая из которых бежала в разном направлении и с большими трудностями достигала (безопасного) места, испытав на себе различные капризы и превратности судьбы.

Таким образом, народ теке завладел всей артиллерией, припасами, оружием, имуществом, подводами и сокровищами такого большого и благоустроенного войска, как это. Благодаря этому обстоятельству самые последние бедняки из этого племени (теке) своим богатством могли теперь соперничать с Каруном⁶¹.

Из доставшихся им богатств тридцать пушек вместе с двадцатью мулами (хачир) золота и тысячью золотых сосудов и прочих драгоценностей стоили хараджа всего мира⁶². О количестве прочего имущества и богатства можно судить по сравнению с этим. По этому же можно судить и об изобилии различного снаряжения и вещей (какие им достались).

Таким образом, одержав полную и решительную победу над могущественным противником и завладев его золотом и несметными богатствами, племя теке после этого с облегчением принесло свою благодарность его величеству (хану) и поселилось на жительство в Мервской области.

Что касается пленных, то их целыми толпами гнали для продажи в соседние государства, так что все базары мусульманских стран (собств. государств ислама) были переполнены пленниками и рабами.

Глава и начальник народа теке, Коушут-хан, выделил для его величества пятую часть из всей доставшейся добычи, послав свои дары и подношения с группой старшин теке в Хиву вместе с муллой Мухаммедом-юзбаши⁶³.

В конце месяца раби II (середина октября 1861 г.) посланные явились к хану и представили ему привезенные подарки. Передав (хану) подробности этого изумительного происшествия, (послы) удостоились высоких царских милостей⁶⁴.

В последний день месяца раджаба, именно в субботу (пятница 31 января 1862 г.) правитель Мервской области мулла Мухаммед, прибывший перед тем с старшинами теке к его величеству, удостоился необычайных милостей и отличий со стороны хана и был снова вместе со своими спутниками отправлен в центр вверенной его управлению области.

[При описании событий 1278 г. х. (1861—1862 г.) автор, между прочим, сообщает следующее:]

⁶¹ Легендарный богач.

⁶² Образное выражение, обозначающее несметные богатства.

⁶³ Названного выше диваном.

⁶⁴ Ср. “Матля-уш-шаме” т. II, стр. 276.

В четверг 21 числа месяца зуль-хиджа (19 июня 1862 г.) один из высокопоставленных ханских приближенных, Артук-бий, отправился в область Ахала для оказания помощи теке. Подробности этого дела заключаются в следующем: в крепости Анау, входящей в состав области Ахала, вместе с теке жила группа кызылбашей. По некоторым причинам существующие между ними добрые отношения нарушились и наступили разногласия. Когда об этом услышали иранцы, жившие в горах, они вышли из гор с многочисленным войском, подошли к крепости Анау и осадили ее, намереваясь взять. Бои и стычки происходили каждый день. Когда теке увидели, что осада затянулась, они заметили свою слабость и сообразили, что им против иранцев не удержаться. В конце концов группа старшин теке явилась к его величеству (хану) и доложила о положении своего народа, прося у хана помощи. Снисходя к их просьбе, хан присоединил к ним славного Артуку-бия из знати (племени) кыят и в указанный выше день отправил его с отрядом войск и старшинами теке в Ахал.

Когда Артук-бий приблизился (к Анау) на расстояние двух-трех дневных переходов, и иранцы об этом услышали, они не стали больше оставаться в Ахальской области, а под разными предложениями и через посредство разных лиц, заключили мир (с осажденными), выставили некоторый заслон (против хивинцев), забрали с собой находившихся в крепости кызылбашей и ушли.

Через два дня после этого события Артук-бий пришел в Ахал и, пробывши здесь свыше двух месяцев, привел в порядок здешние дела, а затем, по ханскому приказанию, возвратился обратно и удостоился милостей.

О том, как мятежные чоудоры ограбили возвращавшийся из России хивинский караван и как для наказания их были посланы некоторые из (хивинских) военачальников, а также о прочих событиях, происшедших за это время

В упомянутом выше, т. е. в 1279 г. х. (1862/63 г.), соответствующем году собаки, много хивинских караванов, по установившемуся ежегодному обычаю, направились в Россию со многими товарами, закончили там свои торговые дела и (после этого) возвратились⁶⁵.

Один из этих караванов, состоявший из 200 верблюдов, нагруженных разными высокоценными товарами, отделился после перехода через Сыр-дарью от главного каравана и быстрее направился вперед.

В середине месяца джумади II (около 10 декабря 1862 г.), когда этот караван приблизился к населенным местам у берегов озера Тау-кара, злоумышленники-чоудоры, узнавшие о том, что этот караван везет большие ценности, собрались в количестве около 800 человек конных и, напавши неожиданно на караван, разграбили все его имущество.

Люди, сопровождавшие караван, в страхе рассеялись в разные стороны. Некоторые из них погибли в поле от лютых морозов, некоторые с большим трудом и еле живые достигли населенных мест. Что касается чоудоров, то они, завладев имуществом каравана и поделив его между собой, возвратились в свои аулы, открыто проявляя свою враждебность (к Хиве).

Когда весть об этом событии достигла его величества, он назначил (против чоудоров) высокопоставленных и отважных военачальников Махмуд Нияза-ясаулбаши и Махмуд Нияз-бия, сына Мухаммед Рахима-мехтера, с отрядом войск. Они направились, согласно высокому приказу, в окрестности крепости Клыч Нияз-бая, устроили там укрепление (сенгир) и, расположившись в нем, стали производить нападения на чоудоров.

⁶⁵ Данные о торговле Хивы с Россией во второй половине XIX в. имеются в книге С. В. Жуковского, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пгр., 1915, стр. 142 и сл. Там же библиография.

[Рассказывая о некоторых событиях, происходивших в месяце раджабе того же 1279 г. х., автор продолжает:]

На следующий день, приходившийся на четверг 11 числа упомянутого выше месяца (пятница 2 января 1863 г.), его величество, для наказания мятежников-чоудоров назначил великого везира своего Хасан Мурада-кушбеги, Фазиль-ходжу, шейх-уль-ислама, Хаким Нияз-аталыка, Мухаммед Назар-инака, Якуб-инака, Артук-бия, Яхши Мухаммеда-даругу, Рахметуллу-ясаулбаши и других (начальников) с двумя пушками и отрядом сарбазов и группой войск. Выступив единодушно в тот же день, все назначенные прибыли к Ташаузу, и, расположившись лагерем в его окрестностях, в течение некоторого времени производили оттуда нападения на чоудоров.

Махмуд Нияз-ясаулбаши, согласно приказу хана, в середине месяца ша'бана (с 22 января по 19 февраля 1863 г.) назначил на свое место в крепости Клыч Нияз-бае Дост Нияз-мехрема, с находившимися в распоряжении его войсками, а сам возвратился и прибыл к его величеству.

В субботу 25-го числа того же месяца (воскресенье 15 февраля) Хасан Мурад-кушбеги, по приказу хана, оставил в Ташаузе Хаким Нияз-аталыка и Рахметуллу-ясаулбаши, а сам с прочими военачальниками прибыл к хану.

О том, как славный принц Сейид Махмуд-торе выступил против мятежников-чоудоров, нанес им поражение, привел их к покорности, после чего простил их вину и, взявши у них заложников, пришел обратно

После того как племя чоудоров разгромило имущество каравана (см. выше), оно с каждым днем все больше и больше обнаруживало свою вражду и непокорность. Хан по доброте своей несколько раз посылал к ним людей с требованием возвратить имущество каравана и в письмах своих обещал им помилование. Однако, имея в виду совершенные ими тяжкие преступления и опасаясь, как бы не постиг их ханский гнев, не нашли возможным явиться к его величеству с выражением своей покорности и крепко стояли в своем непослушании и упрямстве.

Несколько раз ходили против них войска, вступали с ними в большие сражения и наносили им урон. Они (чоудоры), однако, и после этого не только не стали послушнее, но даже (наоборот) стали проявлять своеволие еще больше прежнего.

В силу этого хан по необходимости должен был назначить против этого несчастного племени своего высокородного брата, принца (Сейид Махмуда), с состоявшими при нем войсками (нукер), с большей частью (прочих) главных военачальников и четырьмя пушками.

Исполняя высокий приказ, царевич, сопровождаемый назначенными (к нему) начальствующими лицами и (другими) царевичами, выступил в понедельник 14-го числа месяца зуль-хиджа из Хивы и сделал остановку в селении Джанык-шейх. Для того, чтобы дать возможность собраться нукерам и ополчению (кара-черик), (царевич) приказал двигаться дальше небольшими переходами. На следующий день, именно во вторник, он вышел из Джанык-шейха и остановился затем в Кефтер-хан, а через день он находился (уже) в Шах-абаде.

Задержавшись здесь в целях сбора войска на два дня, (царевич) после этого прибыл в Майли-чонгюль, а затем вступил в местность под названием Копукли. После этого (царевич) прибыл к крепости Ташауз и расположился в усадьбе (хаули) Джума Нияз Кулана на берегу канала Ярмыш к северу от крепости. Выступив оттуда и достигнув крепости Карга, он остановился здесь на четыре дня. Во время этой остановки в распоряжение царевича прибыли сердары племен гокленов и карадашлы со всеми их всадниками. Сюда же прибыли начальники (акабир) йомутов со своими нукерами. Некоторые из старшин хан-абадских йомутов выразили

свою покорность и повиновение и также явились. Эмир-уль-умара, царевич, всех их обласкал и оказал им свое внимание.

Выступив через четыре дня отсюда, (царевич) прибыл в “сад”⁶⁶ Назар-бека, где задержался на 15 дней, с целью дать возможность подтянуться шедшему позади ополчению (кара-черик).

За время этой стоянки йомутские отряды (аламан) совершили под предводительством Клыч-оглы два-три набега на чоудоров. Они убили при этом много людей, захватили много добычи, пленных и голов и возвратились к царевичу, который их всячески обласкал и вознаградил.

Выступив через 15 дней с этой стоянки, (царевич) прибыл в окрестности крепости Халим-бека, где и пробыл шесть дней. Здесь, по приказу его величества, к царевичу присоединился правитель кара-калпаков Махмуд Нияз-ясаулбаши с шестью тысячами каракалпакских и тысячью казахских всадников, а всего с семью тысячами человек. Через шесть дней царевич выступил отсюда и, направившись в Ак-аланг⁶⁷, пробыл там восемь дней.

Одно из происшествий, случившихся в это время, состояло в следующем: одна часть мятежников-чоудоров располагалась в местности, находившейся на довольно отдаленном расстоянии от (места расположения) большинства этого племени. Выкопав там себе укрепление (сенгир) и построив крепость, эти чоудоры там и поместились. Около пятисот пеших хивинских стрелков (мерген), по указанию царевича, направились к этому чоудорскому укреплению и ночью врасплох напали на него. После продолжительного сражения, они (мергены) убили из своих ружей десять человек, из которых главным являлся Сабир Кор, много людей они ранили и, вернувшись затем со славой, были вознаграждены и обласканы царевичем.

После этого население той крепости стало бояться нападений и грабежей со стороны победоносных (хивинских) войск и переселилось в укрепление (сенгир) большинства своего племени.

Через восемь дней царевич оставил эту стоянку и со всеми своими несметными грозными силами расположился лагерем в “саду” Сейид Мурад-шейха, который находился в Кок-чеке. Здесь вследствие некоторых обстоятельств он простоял 30 дней.

Некоторые из событий, которые произошли за это время, заключались в следующем: бывший (собств. “смещенный”) кушбеги Мухаммед Керим-бек, сын Мухаммед Юсуф-бека, стал, по приказу царевича, во главе отряда гокленов и карадашлы, дважды производил с ними набеги на укрепление чоудоров. Сражаясь с необычным мужеством, он убил много мятежников, отсекая головы у убитых, забрал много лошадей и другого скота и имущества и со славой возвращался (в ставку) царевича, который щедро его вознаграждал.

Другое (событие) состояло в том, что Якуб-мехрем, Рахметулла-ясаул-баши и Махмуд-Нияз-ясаулбаши с большим войском из узбеков и йомутов совершили, с разрешения царевича, набег на главное укрепление чоудоров. Все конные (чоудоры) выступили из своего укрепления и вступили в бой с победоносным (хивинским) войском. (Хивинские) храбрецы сражались с такой яростью, что (скоро) полились реки вражеской крови, а из тел убитых врагов образовались горы. (В конце концов) враги были обращены в бегство. В ознаменование этой победы воины отрубили сто тридцать семь голов у убитых врагов и, захватив их в виде добычи, вместе со множеством пленных и большим количеством лошадей, верблюдов, овец, рогатого скота и прочего взятого ими имущества, возвратились победоносно в высокую ставку царевича, удостоившись здесь всяческих милостей и наград.

⁶⁶ По поводу хивинских “садов” см. П. П. Иванов, “Удельные земли” Сейид-Мухаммед-хана. Зап. ИВ, т. VI, стр. 43 и сл

⁶⁷ Приблизительно в этом районе имеется канал под названием Ак-алан (см. Материалы по райониров. Ср. Азии, ч. 2, Хорезм. Ташкент, 1926, стр. 17, 39).

Выступая отряд за отрядом, победоносные (хивинские) войска ежедневно совершали набеги на укрепление мятежников, вступая с ними в сражения и заставив их испытывать всевозможные бедствия.

(Еще одно событие заключалось в том, что) в р. Джейхуне (Аму-дарья) в это время появилось такое (большое) количество воды, какого никогда раньше не бывало. Плотины (качу), находившаяся в местности Кара-тал, под большим напором воды разрушилась, (вследствие чего) большая часть воды устремилась туда, где находилось укрепление мятежников. В одну ночь вода залила большое пространство, затопив при этом как пашни мятежников-чоудоров, так и окрестности их укрепления. Все зерно мятежников, а также их крепость, имущество и часть женщин и детей погибли в массе воды. С большим трудом, в смертельном ужасе, чоудоры кое-как забрали свои семьи, побросали все свое имущество и направились в Порсу, и здесь, на возвышенном месте, остановились⁶⁸. Но, благодаря набегам и нападениям со стороны победоносного (хивинского) войска и наступившему голоду, положение их и здесь было крайне тяжелым.

Видя, что при создавшемся положении у них не остается иного выхода, как только изъявить свою покорность, они направили из числа своих уважаемых людей сына Мухаммед Эмин-ишана, а из числа своих старшин — Мухаммед Нияза Пайтека, в качестве послов к царевичу с просьбой о пощаде.

Явившись к царевичу и выразив почтительно ему свою покорность, они (посланные) обратились к нему от имени чоудоров со следующей просьбой: “Мы являемся старинными и преданными слугами этого высокого (ханского) дома, приносим раскаяние во всех наших преступлениях и проступках и готовы исполнить всякое приказание, какое с вашей стороны последует, и нести любую службу, какая нам будет приказана. Просим простить нашу вину”.

Царевич присоединил к ним высокопоставленного военачальника Нияз Мухаммеда-юзбаши и написал чоудорам письмо, требуя возвращения захваченного ими у каравана имущества, находившихся у них пленных и представления ста семейств из числа главных (улуг) старшин в качестве заложников (ак-уйлюк). После этого он (царевич) обещал простить их вину и принять их.

Когда Мухаммед Нияз-юзбаши прибыл к чоудорам и сообщил им содержание письма, они чрезвычайно обрадовались и, присоединив к Мухаммед Нияз-юзбаши еще одного посла, направили его (к царевичу) со следующими словами: “Хотя мы чрезвычайно обрадованы проявленной (царевичем), благосклонностью, однако, совершенные нами преступления велики необычайно, (вследствие чего) мы сейчас явиться к нему боимся. Если он будет столь милостив к этим рабам (т. е. чоудорам), то пусть для наставления их, блуждающих в пустыне (греха), пришлет одного из своих высокопоставленных начальников, чтобы тот явился заступником за наши грехи и направил бы нас на (истинный) путь, а мы под его руководством могли бы явиться к царевичу и собственным языком изложить ему свою просьбу и собственными ушами услышать все его приказания. Мы (после этого) будем исполнять всякую службу, какую он от нас потребует, и какое бы количество имущества он от нас ни потребовал — мы отдадим”.

Согласившись с этими пожеланиями, царевич отправил (к чоудорам) с пришедшим послом высокопоставленного Махмуд Нияза-ясаулбаши. Выйдя навстречу Махмуд Ниязу-ясаулбаши, знатные лица из чоудоров оказали ему всяческие почести и ввели его в свои дома. У каждого из пяти чоудорских родов он провел по одному дню в качестве почтенного гостя, прожив здесь таким образом всего пять дней. Чоудорские старшины изо всех сил старались оказать ему всевозможный почет, требовавшийся правилами хорошего гостеприимства.

⁶⁸ Ср. В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 102.

Когда ясаулбаши направился в обратный путь, к нему присоединился казий, ишаны и старшины чоудоров, всего в количестве 110 всадников. Они приготовили много лошадей и оружия (яраг) в качестве подарков (царевичу), а также захватили с собой некоторое число пленных. Явившись, к царевичу, они через посредство некоторых эмиров обратились к нему с просьбой о прощении совершенных ими проступков и преступлений. Прося пощады, они изъявили готовность представить заложников, а также возместить владельцам стоимость взятого у каравана имущества.

Войдя в тяжелое положение (чоудоров), царевич сжалился над ними и своими ласковыми словами внес успокоение в их истерзанные сердца. Он написал и отправил с одним уважаемым человеком хану письмо, в котором изложил просьбу (чоудоров) и описал положение, в каком они находились.

Когда (посланный) человек вернулся и представил ханский ответ и их (чоудоров) просьбу, царевич, на основании приказа его величества, снова, велел; Махмуду-ясаулбаши отправиться к пяти чоудорским родам и взять от каждого из этих родов по пяти семейств из числа старшин, в качестве заложников. В случае, если среди них (чоудоров) остались еще (хивинские) пленные — их также взять. (Кроме того) чоудоры дали обещание собрать и через некоторое время возратить имущество, взятое ими при нападении на караван. Ясаулбаши переселил в лагерь царевича те двадцать пять семейств, которые были взяты им в качестве заложников. Затем Якуб-мехрем был послан к гокленам, у которых также было взято двадцать заложников. После того, как царевич устроил и привел в порядок все здешние дела, он выступил из Кок-чеке и направился в обратный путь.

Направляясь отсюда далее (к Хиве), он распустил ополчение (кара-черик), а сам с начальствующими лицами прибыл в Кош-купрюк. Здесь устроил он большое пиршество (той), во время которого были устроены скачки и в награду победителям роздано много золота и серебра. Всем вельможам и начальствующим лицам, были розданы также златотканые халаты.

Выступив затем из Кош-купрюка, царевич в четверг 26-го числа месяца сафара (1280 г. х. — среда 12 августа 1863 г.) счастливо и благополучно прибыл в г. Хиву, где удостоился ханских милостей.

Вместе с царевичем щедрых царских наград удостоились также все эмиры и начальники.